

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ
ИЗМЕРЕНИИ:
ПОСТСОВЕТСКИЙ АРХИВ**

**Москва
2010**

ББК 79.3
С 69

Центр россиеведения

Ответственная за выпуск – *М.А. Арманд*

Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив: Материалы семинара Центра россиеведения. РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. – М., 2010. – 88 с.

В настоящем издании представлены материалы семинара, посвященного актуальным проблемам развития архивного дела в современной России. Семинар состоялся в рамках исследовательской программы Центра россиеведения ИНИОН РАН и в сотрудничестве с Историко-архивным институтом (ИАИ) РГГУ. В семинаре принял участие ряд ведущих российских специалистов-архивоведов. Тематически близкой к кругу вопросов, которые обсуждались на семинаре, является статья руководителя Центра россиеведения И.И. Глебовой.

ББК 79.3

© ИНИОН РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Материалы семинара Центра россиеведения ИНИОН РАН	12
И.И. Глебова	
После советского: Какой архив мы выбираем?	64

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2008 г. в Институте научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) открылся Центр россиеведения, цель которого – изучение России как особого социально-исторического феномена.

Речь при этом не идет о выявлении российской исключительности (или – «экзотичности»). Особое, особость – это суть, основа исторического бытия данной культуры. Как назвать, конкретизировать эту особость? Распространенное в науке понятие «локальной цивилизации» (А. Тойнби) представляется излишне метафоричным. Предпочтительнее было бы говорить *об особом культурно-историческом типе* (Н.Я. Данилевский).

Сегодня уже невозможно отрицать *недостаточность* традиционных подходов к изучению России. Эта недостаточность проявляется прежде всего в том, что подавляющее большинство диагнозов и прогнозов, сделанных в рамках этих подходов, себя не оправдывают. И дело, по всей видимости, не в ошибках или недальновидности конкретных исследователей, а в неподходящем для понимания России инструментарии анализа.

Россиеведение – это попытка, не отказываясь от традиционной классификации наук, исследовать Россию целостно и преодолеть узость, ограниченность отраслевых подходов (иначе говоря, выйти за рамки историко-, экономо-, политико- и любой другой центричности). Мы видим нашу задачу не в том, чтобы механически свести воедино разные области знания, прикрываясь «легендой» междисциплинарности. Нам представляется, что, работая в рамках определенного «раздела» социальной науки, следует иметь в виду Россию как целое в качестве обязательного «фона» и соотносить различные темы (природу и географию, экономику и поли-

тику, право и культуру – в том числе бытовую, семейную и т.д.) с этим целым.

Только тогда россиеведение и сможет стать единым исследовательским пространством, в рамках которого Россия предстанет системным объектом. Специализированными компонентами этого пространства являются различные социальные науки, исследующие Россию. Особое же место в этом пространстве занимает историческая наука: «Россия-система» в различные моменты ее существования не может быть понята без изучения исторической динамики. То есть основой россиеведения должен служить *исторический подход*; история является тем раствором, которым скрепляется его фундамент. При этом россиеведение вовсе не сводится к истории. Напротив, история интегрируется в полидисциплинарную среду россиеведения.

Создание россиеведения как самостоятельного исследовательского направления представляет собой попытку выработать такой методологический инструментарий, который позволил бы нам увидеть то, что ускользало при прежних («локалистских» или универсалистских) подходах. Представление о целом, т.е. о России как об особом культурно-историческом типе, могло бы сложиться (и складывается) в рамках теоретических моделей, выходящих за пределы традиционных подходов. Эти модели ориентируют на поиск природы данной социальности, дают возможность нащупать и «просчитать» вероятные возможности ее развития. В самом общем смысле они составили бы научную традицию «понимающего» познания России – в духе понимающей психологии В. Дильтея, понимающей социологии М. Вебера, философской герменевтики Х.-Г. Гадамера и П. Рикера.

Следует учитывать исходные условия развития россиеведения: при всем интересе к этому направлению его проблемное поле крайне неопределенно, нестабильно. Круг значимых имен, идей, методологий не выявлен; идет поиск своей научной ниши. Если цель россиеведения – *самопознание* (и выработка для этого адекватного инструментария), то главная проблема россиеведения – *самоопределение*, институционализация.

Мы прежде всего хотели посмотреть на современную Россию с несколько неожиданной – для самой России с ее особым опытом –

стороны: социоисторической, культурной, ментальной. И тем самым заявить, что отдаем полное и окончательное предпочтение *антропоцентричному взгляду* на социальные процессы. Нас особенно интересует, как после эпохи социальных потрясений самоопределяется наша страна, какие опоры во времени ищет, на чем основывается национальный идентификационный проект. «Кто мы?» (а не «Кто виноват?» и «Что делать?») – один из центральных вопросов нашего времени, все настойчивее требующий определенности. Отвечая на него, т.е. выбирая «подходящее» прошлое и актуальные социокультурные ориентиры, мы обретаем собственное будущее.

То, чем мы будем, во многом определяется тем, чему мы наследуем. Этот, вроде бы, трюизм имеет не только объективно-исторический смысл: в своем развитии мы ограничены «коридором» возможностей, заданных прошлым. В культурно-ментальном отношении наши перспективы зависят от того, *какую историю*, какой алгоритм отношений с прошлым *мы* для себя *выбираем* сегодня. Наш каждодневный и ни к чему не обязывающий «ретроспективный» выбор автоматически расширяет или, напротив, сужает «коридор» возможностей, загоняя в прежние, исторически хорошо знакомые тупики или позволяя вырваться из примитивной схемы возвратно-поступательного движения во времени (цивилизационный прорыв – откат в «дикость», варваризация социальных отношений – возвращение на путь культурного роста).

Именно с этой позиции мы обратились к проблематике национальной памяти, национального достоинства и судьбе институтов, отвечающих за их воспроизводство. В таком контексте слова «память», «прошлое», «хранилища» и «хранители», эфемерные и малозначительные в нашем обществе, обретают практический смысл. Они оказываются связаны не с ушедшим, обветшавшим, забытым и ненужным, а с нашей сегодняшней жизнью, постоянным и незаметным в суете настоящего выбором будущего.

Эта логика определила наш интерес к постсоветскому архиву. Мы полагаем за архивом вовсе не отвлеченную идею, историческую опору интеллигентского «прекрасномыслия» и даже не исследовательское пространство, а то, что он есть с социопрагматической точки зрения, – один из инструментов *внесения смысла* в

поток коллективного существования. Обретение себя – естественная индивидуальная и социальная потребность. На ее удовлетворение и работает архив – всегда, даже когда это почти не ощущается социумом, и так, как ему «назначено» людьми и временем. Мы и хотели понять, как он работает, как чувствует себя в новой, послевоенной жизни, каковы доминанты его деятельности в современном обществе.

И.И. Глебова

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА

27 ноября 2008 г., ИНИОН РАН

И.И. Глебова, ИНИОН РАН:

В чем нам, организаторам, видится смысл сегодняшнего семинара? Мы хотели бы поставить архивную проблематику в контекст изучения России как цивилизационного явления (не другой Европы или другой Азии, а просто чего-то другого). И пригласить к сотрудничеству коллег из Историко-архивного института (ИАИ) РГГУ, занятых вопросами бытования российских архивов.

Мы видим несколько блоков проблем, по которым возможно *сотрудничество* специалистов ИАИ РГГУ, архивной отрасли и ИНИОН РАН:

– архив как социокультурный феномен, хранящий и актуализирующий память сообщества.

– архив как инфосреда (инфообъект, инфохранилище).

– архив как социальный институт (архив в институциональной системе; архив и пользователь).

– архив как корпорация: проблемы самоопределения и самопрезентации.

Эта проблематика вписывается в следующие основные направления деятельности Центра руссиеведения:

– историко-культурное наследие России и российское общество: проблема наследия и наследников;

– информационная среда и пользователь: социальная жизнь как коммуникация «информация – информационный продукт – общество – информация»;

– институты и институциональные системы в российской истории;

– интеллектуальный корпоративизм: интеллектуал и его общественное самоопределение.

Чем определяется важность сегодняшнего семинара? Тема «общество–архив» – это тема «общество–память». Память и общество одноприродны: *рассказ о том, что общество помнит о себе и как распоряжается памятью, – это рассказ о самом обществе.* Можно сказать, что *общество и есть память*: оно помнит то, что поддерживает и воспроизводит его природу, и так, как диктует эта природа.

Существование архива в нашем обществе определяется (и очень существенно) господствующим типом памяти. В то же время его поддерживает и закрепляет. Выявляя алгоритм (тип) существования архива в обществе, мы продвигаемся по пути познания роли памяти в обществе, а значит – самопознания. Выстраивается коммуникативная цепочка: архив как институт памяти – социальная память – общество.

Поэтому обсуждаемую тему с полным правом можно отнести к разряду россиеведческих тем. *Разговор об архиве приобретает значение инструмента исследования*: мы как бы берем кровь на анализ, чтобы определить, с каким организмом имеем дело. Используя этот «вход», мы пытаемся понять, как устроено наше общество, какова природа российской социальности.

И не случайно «архивный» семинар стал первым в работе Центра россиеведения ИНИОН РАН. Не случайно – по двум причинам разного свойства. Во-первых, поставленная уважаемыми коллегами тема дает прямой выход на общество – во всем его разнообразии, во всех его проявлениях. Тема памяти «приложима» к сферам культурной, социально-политической, экономической и др., т.е. сравнима с общим анализом крови. Во-вторых, существует непосредственная коммуникативная связь между архивом, воспроизводящим память на информационной основе и информационными средствами, и информационно-аналитической научной структурой, каковой является ИНИОН. Воспроизводство информации социально-гуманитарного порядка есть основа их деятельности и связи с

обществом. Это типологически сходные структуры, что делает их сотрудничество неизбежным.

Я предлагаю традиционный для семинара алгоритм: собственно доклады, вопросы к докладчикам и затем обсуждение.

Е.В. СТАРОСТИН

АРХИВЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В общественном дискурсе и в научной среде фиксируется явный рост «спроса на память». В последнее десятилетие появилось огромное число работ, переводных и оригинальных, посвященных этой важнейшей проблеме. Она обсуждалась на международной конференции «Культура исторической памяти» (2001 г., Петрозаводск). Редколлегия «Нового литературного обозрения» издала в 2005 г. специальный выпуск под названием «Институты нашей памяти: Архивы и библиотеки в современной России». Однако инициаторы проекта мало внимания уделили взаимосвязи концепции историко-культурного наследия (или национального достояния) с социальной памятью общества. Историки архивов не могут игнорировать этот теоретический вызов. В своем выступлении я коснусь именно этой темы.

Понятно, что *каждый социум формирует особую матрицу историко-документального наследия*. Сегодня все цивилизованные сообщества, не исключая России, сосредоточились на проблеме самоидентификации, в решении которой архивы играют ключевую роль. Страны, терявшие на какое-то время свою государственность или получившие ее в результате распада крупных империй (Польша, Чехия, Украина и др.), создают специальные «институты национальной памяти». Они функционируют как *центры, корректирующие память сообществ*.

Существуют как минимум два информационных потока, питающих социальную память. Первый – устный, являющийся частью исторического сознания, – формируется на протяжении жизни каждого индивидуума, семьи, коллектива, общества. Второй поток, несущий огромный объем все пополняющейся информации, сосредоточен в архивах, музеях и библиотеках, т.е. в современных институтах памяти. Между этими двумя потоками происходит непрерывающийся информационный обмен.

В *триаде институтов памяти «архивы–библиотеки–музеи»* архивы занимают центральное место, так как отражают все аспекты жизни общества. Не будем преувеличивать степень сближения между элементами триады, которая наблюдается в последние годы. Эта тенденция временная и вызвана ломкой в России старых устоев, законодательно-правовой базы, государственного аппарата, появлением новых форм собственности. Названные институты памяти *объединяет функция сохранения историко-культурного наследия*. (В скобках замечу, что существуют разные определения национального достояния (или историко-культурного наследия), в основном дополняющие друг друга: 1) «совокупность научных и управленческих принципов, лежащих в основе государственной политики в области архивного, библиотечного и музейного дела, а также защиты памятников архитектуры и археологии» и 2) «совокупность исторических источников, являющихся объектом государственной политики и правовой регламентации».) В остальном, однако, социальные функции архивов, библиотек и музеев разнятся. Архивы в большей степени обслуживают правовые потребности государства и граждан, а также нужды исторической науки. В работе музеев и библиотек на первое место выходят культурно-просветительские и научно-познавательные функции.

Документы, хранящиеся в архивах, представляют собою зафиксированную память о том, что можно «вспомнить». Но это «вспоминание», а точнее научная интерпретация исторических источников, требует больших профессиональных знаний и умственных усилий. В этом вопросе исследователю помогают теория и методика вспомогательных исторических и специальных дисциплин – прежде всего источниковедения и архивоведения, разработанные не одним поколением историков. Сложившиеся в архивах системы

классификации, способы хранения и описания, формы использования документов и пр. сами по себе служат показателем уровня развития культуры.

Следует отметить качество сохранности архивного достояния России. Несмотря на бросающиеся в глаза пробелы в документальной летописи страны, российские архивы в целом сохранились неплохо. Если XVI–XVII вв. имеют лакуны, то XVIII, XIX, XX вв. более или менее полно отражают разнообразие российской государственности. Это первое. Второе. Архивы России содержат много сведений о народах, населявших ее окраины, которые после 1991 г. образовали 14 самостоятельных государств. Третье. Хорошей сохранности документов способствовало отсутствие в России традиции их постоянного уничтожения, вошедшей в практику западноевропейских стран – в особенности после Великой французской революции. Российская бюрократия предпочитала сохранять «ненужное» в составе «необходимого», оправдывая это тем, что когда-нибудь все документы могут пригодиться. Официальная документация в российских канцеляриях уничтожалась по причине ее ветхости, что не исключало потери материалов от частых пожаров, вооруженных конфликтов, войн, набегов и, конечно, от простого небрежения.

В западноевропейской историографии появление в университетах *новой дисциплины – истории национального достояния* – связывают с 60-ми годами прошлого века, т.е., по мнению М. Гийома, с «концом истории» в западных обществах. С этого времени остаткам прошлого присваиваются ценностные категории. К сожалению, архивоведение, музееведение и библиотековедение в России, занимающиеся изучением трех составляющих историко-культурного наследия, долгое время были разъединены. Поэтому в отличие, например, от Франции, имеющей уже разработанную *доктрину охраны национального достояния* и высшее учебное заведение – Школу национального достояния, в России подобная теория и практика только складываются.

Архивы в рамках европейской цивилизации прошли несколько этапов. В начальной стадии формирования общества, основанного на частной собственности владения землей, возникла потребность хранения документов собственности на территории, строе-

ния, предметы быта и роскоши, привилегии. Затем к ним добавилась необходимость сохранения сведений о государственных и общественных учреждениях – их структурах, прошлой и настоящей деятельности. При становлении национальных государств в XIX–начале XX в. архивные документы, собранные в национальных и местных архивах, играли определяющую роль в защите суверенитета, границ, объектов национального достояния и пр.

С появлением новых источников комплектования – в частности, документов негосударственного происхождения, материалов на новых носителях и т.д. – архивы своим составом стали отражать деятельность всего общества. «Архивы, – пишет профессор Школы хартий Бруно Дельмас, – стали общим богатством». Эти слова подтверждаются западноевропейским законодательством об архивах, в котором обязательно присутствует *категория «публичные бумаги» как объект неотчуждаемости*. В России же правящая элита благополучно похоронила идею «общенародной собственности» и присвоила государству, т.е. чиновникам, право собственности на историко-культурное наследие.

Подобно другим странам, сейчас архивная система России столкнулась с рядом проблем, которые принесла современность. Некоторые архивисты-традиционалисты, оказавшись не в силах приспособиться к «наступлению» новых архивных технологий, объявили о смерти классического архивоведения. Представляется, что пока говорить об этом рано. К электронной документации, по рекомендациям Международного совета архивов, необходимо применять «те же правила, что и к бумажным материалам». Все эти вопросы явились предметом обсуждения на многочисленных национальных и международных архивных форумах.

В странах, в которых укоренились демократические традиции, службам архивов оставлен контроль за состоянием делопроизводства в ведомствах. И наоборот, в тех государствах, где чиновничество продолжает удерживать свои позиции, архивы отделены от первоначального продукта, не имеют права контроля над всеми этапами прохождения документа.

В России возродился интерес к частным и личным (семейным) архивам и коллекциям. Немалые историко-культурные ценности, редкие манускрипты, автографы великих людей и т.п. со-

средоточиваются в личных собраниях. Все они представляют большую историко-культурную ценность для страны, и государство обязано вести хотя бы учет их наличия, иметь право приоритета при продаже и возможность минимизировать случаи пропажи и уничтожения. Не должны остаться без внимания и архивы простых граждан: коллекционеров, местных краеведов, школьных учителей истории с их собраниями школьных музеев и др.

Гигантская проблема – сохранение архивов приватизированных и вновь открываемых предприятий, фирм, банков, корпоративных обществ, ассоциаций, политических партий. Возникает вопрос: располагает ли Федеральное архивное агентство РФ необходимыми возможностями, чтобы следить за их возникновением, эволюцией, ликвидацией, т.е. судьбой документального наследия? Ответ ясен. Между тем архивные службы Запада накопили огромный опыт по сохранению документации частного бизнеса, семейных собраний, и грех им не воспользоваться.

В различные эпохи и в разных регионах государство не всегда играло главную роль в сбережении историко-культурного достояния. Известно, что на Североамериканском континенте, в Австралии на первом этапе их государственности преобладали частные формы сохранения культурного наследия. И в странах с устойчивыми этатистскими традициями (Италия, Франция, Германия) многие памятники прошлого сохранились благодаря собирательской деятельности церкви, ученых обществ, выдающихся представителей научной мысли. И в Европе, и в Америке образовались частные неправительственные архивы, деятельность которых лишь частично финансирует государство. Упомяну для примера Институт социальной истории в Амстердаме, Архив Общества методистов в Англии, Гуверовскую библиотеку войны, мира и революции в США.

В ряде западных стран в отношении сохранения историко-культурного наследия в последние годы стали заметны признаки приближающегося кризиса. Пожалуй, во Франции, которая была своего рода эталоном заботы о национальной документальной летописи, элементы этого кризиса обозначились наиболее рельефно. Это заставило профессора Школы хартий Бруно Дельмаса подготовить и опубликовать книгу «Общество без памяти» (Париж, 2006). В книге лейтмотивом звучит идея: в современном обществе знаний

архивы в силу ряда причин не отдают в полной мере обществу хранящуюся в них информацию. Россия, к сожалению, не выпадает из этого общего кризиса социальной памяти.

Этот вызов заставляет иначе, чем прежде, формировать коммуникативные архивные стратегии. Архивы не должны быть только хранителями информации, им необходимо стать ее поставщиками, отвечая на любой запрос общества в информации – учрежденческий, корпоративный или персональный. Более того, следует опережать и направлять общественные запросы. В коммуникативной стратегии современных архивов важно обозначить перспективные ориентиры. Это вероятный путь решения самой амбициозной («идеальной») задачи архива. В настоящее время где-то около 20% хранящихся в архивах исторических источников используются потребителями, тогда как эту пропорцию следует перевернуть и использовать 80%. Актуализируем эту модель – преодолеем кризис памяти.

Проблему общественной коммуникации архивов неверно было бы сводить к различным формам использования архивных документов. Она теснейшим образом связана со всем спектром экономических, политических, культурных и правовых вопросов государства; с публичным, государственным, международным, частным, авторским правом, правом собственности на документы и т.д.

На передний план в коммуникативных стратегиях актуализации историко-культурного наследия выходит доступность. Это в равной мере касается как архивов, так и библиотечных, музейных материалов. Показательно, что распад СССР и последующая ликвидация соцлагеря спровоцировали ажиотажный интерес к документам бывших карательных учреждений государств Варшавского пакта. Особую остроту приобрел вопрос об их доступности. Возник даже термин «*les archives sensibles*» (чувствительные архивы).

В деле развития «внешних» коммуникаций российским архивам есть чем гордиться: изданы прекрасные многотомные путеводители по центральным федеральным архивам, РГАЛИ одним из первых раскрыл свои литературные сокровища в электронном формате, программа электронного описания фонда Коминтерна восхитила участников международного конгресса в Вене в 2004 г. и т.д. Однако этого мало. Доминирующие типы коммуникаций – черз

читальные залы, выставки, публикации, выступления в средствах массовой информации и т.п. – обязаны постоянно совершенствоваться, чтобы отвечать вызовам времени.

Поскольку *архивы* составляют важнейшую часть историко-культурного наследия, они *должны возвращать (или способствовать возвращению) обществу «уснувшей памяти»*. Такова *общественная коммуникативная функция архивов*. Как врач лечит пациента от болезней, так и *архивист обязан оздоравливать память людей*, публикуя из кладовых архивов сто раз проверенную информацию, мешая складыванию мифологических представлений о нашем прошлом, разгоняя туманы предубеждений, навязанных ложными идеями. Таким образом, *хранитель архивов превращается в доктора исторической памяти*.

Т.И. ХОРХОРДИНА

О ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОНЕПОНИМАНИЯ В ЦЕПОЧКЕ «АРХИВИСТ – ПОТРЕБИТЕЛЬ»

Особую остроту сегодня, в условиях формирования информационного общества, приобретают вопросы, связанные с определением роли, места и функций традиционных архивохранилищ и архивных учреждений. Требуется по-новому проанализировать принципы отношений в системе «архив – потребитель», поскольку под угрозой находится самая уязвимая сторона функционирования архивов – коммуникативная.

На наш взгляд, эти отношения должна определять *гуманитарная стратегия коммуникативной деятельности архивистов*. Мы бы сформулировали ее так: *архивы служат не только – и даже, по нашему мнению, не столько – времени, но и Вечности*. Конечно, человек «выстраивает» архивы сообразно своим актуальным потребностям. Но в то же время архив активно воздействует на формирование человека, способного наладить и поддерживать с ним плодотворную коммуникацию в условиях информационного общества. Иначе говоря, *не потребитель определяет суть архивов, а архивы определяют объективный вектор отношений между собой и потребителем*. При несоблюдении этого алгоритма взаимного понимания человек и архив остаются по разные стороны непроницаемой стены.

Недостаточная подготовленность потребителя может вообще исключить возможность использования. Нарастающие лавинообразно *попытки редуцирования функций архива к сфере обслуживания запросов потребителя* неизбежно вызывают общее понижение культурного и интеллектуального уровня социума. На наш взгляд, именно этим на глубинном, корневом уровне было обусловлено многолетнее забвение гуманитарных положений фундаментальной науки об архивах, у истоков которой стояли творцы архивной реформы 1918 г., включая членов Союза российских архивных деятелей во главе с А.С. Лаппо-Данилевским.

Исторически сложилось так, что на протяжении веков архивы вынуждены лавировать в узком проливе между Сциллой по имени *Польза* и Харибдой по имени *Ценность*. Это объясняется двойной природой накопленных в хранилищах документальных сокровищ. С одной стороны, архивист выступает как госслужащий, призванный удовлетворить текущие запросы пользователей и предоставить им на основании действующего законодательства свободный доступ к вверенным под его ответственность документам. С другой, он обязан обеспечить сохранность и эффективное приумножение документальных фондов как общенационального достояния и *архивов как важного атрибута российской государственности и инструмента общественного самопознания*.

Архивисты обязаны обеспечить высокую информационную плотность принятых на постоянное хранение документов, исходя из понятия непреходящей исторической ценности этих документов, независимой от характера сиюминутных запросов тех или иных групп возможных потребителей. И здесь понятие *ценности* исторических документов категорически недопустимо подменять понятием «конкретной *полезности* документов для данного потребителя – индивидуального, коллективного, локальной или массовой аудитории», поскольку для информантов с разными информационными потребностями и возможностями информативность одного и того же документа будет неодинаковой.

Подмена понятия исторической ценности архивных документов их полезностью приведет к тотальной коммерциализации архивов, к превращению их в обычный предмет товарно-денежных отношений. Следует сразу оговориться, что проникновение рынка

в архивное дело само по себе не может быть ни плохим, ни хорошим. Ведь архивы, помимо всего прочего, являются сложным хозяйственным объектом, который требует хозяйского к себе отношения.

Трудно возразить против истины, которую озвучила на состоявшейся в апреле 2006 г. Всероссийской научно-практической конференции «Архивоведение и архивное дело в России (1991–2005): Осмысление пройденного» главный специалист Государственного архива Тульской области И.А. Антонова: «Чем больше услуг могут предоставить архивы – тем больше расширяется архивно-информационное пространство, тем мы нужнее потребителю. И тем больше сможем зарабатывать самостоятельно». Однако можно и нужно решительно возражать против того, чтобы это ставшее банальным утверждение превратилось в фундаментальное положение, определяющее теоретическую суть современных представлений науки о коммуникативных свойствах архивов в новых исторических условиях.

Симптоматично, что на этой конференции были представлены две противоположные точки зрения на проблему коммуникативной стратегии архивов. Диалог коллег превратился в пример взаимного непонимания архивистов, которых мы условно разделяем на «отцов» и «детей».

Представитель «детей» (или «младоархивистов») М.Ю. Чиркова, магистр государственного управления, аспирант кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, задала участникам конференции вопрос: «*Что такое архив – хранилище прошлого или современный социальный институт?*» Здесь важен категорический разделительный союз «или». Потому что дальше автор попыталась обосновать слегка завуалированное теоретическими реверансами сомнение в том, что архивы в их нынешнем виде выживут в новой *техногенной* среде. Поставив диагноз, автор посоветовала не усугублять страдания больного путем применения новейших дорогостоящих средств вроде «оцифрования», а предоставить решение его судьбы всемогущему рынку, на котором царит Его Величество Потребитель. С точки зрения М.Ю. Чирковой, следует однозначно

признать живые архивные тела обычным товаром и готовить в вузах не историков-архивистов, а бизнес-менеджеров для торговли архивным «сырьем».

Чтобы не быть голословными, процитируем основные тезисы выступления представителя поколения «младоархивистов». «С функциональной точки зрения архив, – заявила М.Ю. Чиркова, – это место хранения документов, то есть материальных объектов, созданных с целью фиксирования, хранения и передачи информации в знаковой форме. И поэтому, говоря о том, исчезнет ли архив в своем традиционном понимании, растворившись в виртуальном континууме информационного общества, или нет, следует установить, в каком из своих функциональных аспектов (информационном, правовом, мнемоническом, мемориальном, научном, просветительском) он оптимально замещается электронным вариантом, а в каком не поддается такому замещению». Ответ был дан малоутешительный: «Мы живем во время, когда... объемы накопленной человечеством информации вышли за предел возможности надежно сохранять ее и эффективно использовать привычными средствами... В настоящее время доминирующим фактором развития экономики, основанной на знаниях и новейших технологиях, становится развитие инновационной сферы, так как именно в этой сфере происходит превращение научно-технологического продукта в рыночный товар с высокими потребительскими свойствами. Сама информация в виде документов и данных еще не является знанием, а лишь сырьем для формирования знаний, используемых в том числе в инновационных процессах. В этом смысле информация – сырье для инноваций».

Из этой посылки далее следует окончательный диагноз: *«Коммерческая эксплуатация архивного фонда как альтернативный источник денежных ресурсов зачастую вызывает негативную реакцию и сомнения по поводу соответствия такого решения финансовых проблем социальной миссии архивов как институтов социальной памяти. На пути адаптации бизнес-моделей архивы сталкиваются с проблемой противоречия между принципами коммерческой деятельности и требованиями социальной миссии, в рамках которой они функционируют. С одной стороны, требования к институтам памяти возрастают, с другой – недостаточное*

бюджетное финансирование вынуждает их искать альтернативные источники финансирования. В связи с этим приобретает большое значение новый ранее не свойственный архивным учреждениям вид деятельности – архивный маркетинг. Он направлен на обеспечение взаимосвязи с потребителями архивной информации, создание рынка архивных услуг и получение прибыли».

Итак, на конференции было озвучено мнение: *время традиционных архивов истекло – их заменяют «бизнес-модели» архивов.* Архивам и, соответственно, традиционной науке об архивах был брошен открытый вызов. Внятного ответа на вызов «детей» со стороны, условно говоря, «отцов» – признанных авторитетов современного архивоведения – не прозвучало. Пафос выступления «отцов» был направлен, по существу, на то, чтобы пристыдить возмутителей спокойствия в архивном мире, которые подвергают критике «достаточно четкую систему советского архивного дела», основанную на «целостной теории и методологии архивного дела». «Отцы» заверили аудиторию, что практически все основные проблемы архивистики уже давно решены полностью и окончательно. Остается только несколько скорректировать их в духе изменившейся конъюнктуры.

Предложения «младоархивистов» были высказаны как ответ на вызовы времени. Но что еще «подвигло» их на подобные идеи? Дело в том, что в России с 1993 г. произошла *децентрализация системы управления архивным делом.* И здесь встает вопрос двоякого рода: каковы плюсы централизации и отрицательные последствия сложившейся с начала 1990-х годов ситуации?

Дело в том, что централизация архивного дела основывается в немалой степени на *принципе универсализма.* Он сводится к тому, что профессионалы-документоведы и архивисты должны на единой методической основе и по единым правилам осуществлять весь комплекс работ по унификации и стандартизации документов с целью уплотнения системы управленческой и других видов документации и оптимизации их состава: выявить фонды для постоянного хранения, обеспечить их классификацию и систематизацию внутри архива, снабдить всем необходимым аппаратом учета и научно-справочным «конвоем» и, наконец, обеспечить возможность их ис-

пользования во времени и пространстве не только для сегодняшних потребителей, но и в интересах будущих поколений.

Этот комплекс проблем был сравнительно легко решаем на теоретическом и практическом уровнях в условиях, когда все бюджетные организации являлись «авторами» (фондообразователями), но не собственниками создаваемых ими документов. Собственником Единого государственного архивного фонда выступало государство, которое диктовало правила оформления документов и порядок работы с ними. С началом перестройки, а точнее – после принятия закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности» *система административного принуждения начала давать сбои*. Постоянную «головную боль» у архивистов вызывали многочисленные акционерные общества, товарищества, частные и смешанные предприятия и тому подобные физические и юридические лица, не имевшие никакого понятия о том, что делать с «отработанными» документами. Нас захлестнул бурный поток «предприятий», которые регистрировались, делали «быстрые» деньги и уходили в небытие, спрятав концы в воду. Так историческая наука и общество утратили ценнейшие источники по истории «первоначального накопления капитала» в эпоху российской приватизации.

Многие частные собственники до сих пор даже не подозревают о том, что для передачи в архив на госхранение документов, оконченных делопроизводством, требуется соблюсти унифицированные правила, стандарты и научные нормы классификации и выполнить соответствующий комплекс работ. Хорошо, если собственник обладает определенной культурой и может позволить себе нанять одного (реже – двух или даже команду) специалиста. Архивные органы идут навстречу, оказывая на договорной основе профессиональную помощь в организации «регистратур-архивов» и подготовке к передаче документов по истечении определенного срока на госхранение. Хуже, если собственник, столкнувшись с проблемой «архивной полки» или не найдя финансового консенсуса с представителями госструктур, обнаружит более сговорчивого партнера вне государственной архивной системы и наладит с ним сугубо деловые отношения на взаимовыгодной коммерческой основе. Еще хуже, если частник определит более или менее легаль-

ный путь для «полного и окончательного» решения судьбы своих документов.

Похожая ситуация в архивном деле России возникла в первое послереволюционное десятилетие. Напомним, по идеологическим причинам ценнейшие собрания промышленных и банковских документальных фондов были уничтожены как «макулатура», а немногие оставшиеся фрагменты оказались рассеяны по различным коллекциям и частным собраниям. Вот почему *задача возвращения к гуманитарным основам коммуникативных стратегий архивной деятельности приобретает сегодня особое значение*. Иначе мы рискуем наступить на те же грабли.

Впрочем, политизированное отношение к архивам не являлось изобретением большевиков. Оно было характерно и для дореволюционных властных структур, потому что в обоих случаях архивы рассматривались чиновниками с точки зрения их *полезности* для органов власти, а не *исторической ценности* содержащихся в них документов. Однако специфика советского времени состояла в том, что тогда каналы коммуникации между архивами и обществом были жестко перекрыты в интересах монопольного потребителя – партийно-административных и силовых структур власти всех уровней.

Если вернуться к вопросу о сегодняшней децентрализации управления архивным делом, – как заставить соблюдать положения и правила тех, кто вовсе *не обязан* их соблюдать и даже готов превратить на выгодных коммерческих условиях свои архивы в обычный товар, разрушая в угоду потребителю, скажем, негосударственную часть Архивного фонда России? Ведь неотъемлемым признаком информационного общества является именно «сужение возможностей прямого административного воздействия» на владельца и потребителя информации.

Напомним, что к частной собственности Архивного фонда РФ действующий закон относит архивные документы, находящиеся в собственности общественных объединений, в том числе профессиональных союзов, политических партий и движений, религиозных организаций и др., а также негосударственных корпораций, ассоциаций, акционерных обществ, учреждений и предприятий промышленности, сельского хозяйства, других отраслей экономи-

ки, науки, культуры, социальной сферы, средств массовой информации. Важное место в негосударственной части ГАФ занимают и архивные документы физических лиц (документы личного происхождения, семейные архивы, коллекции документов и др.). Нельзя исключить, что Росархиву в будущем придется приобретать эти фонды, коллекции или отдельные документы на аукционе или у какой-нибудь торгово-посреднической фирмы, в том числе за рубежом. Это в лучшем случае.

Именно такую перспективу предрекает нам «рыночное» отношение к архиву, который, напомним, в выступлении М.Ю. Чирковой однозначно определяется как «место хранения документов, т.е. материальных объектов, созданных с целью фиксирования, хранения и передачи информации в знаковой форме».

Если перевести, несколько утрируя, эту формулировку на язык повседневности, получим *толкование архива как разновидности камеры хранения вещей, представляющих коммерческий или иной интерес для потенциального покупателя*. Нельзя не согласиться, что при таком однозначно потребительском отношении архив действительно может «исчезнуть в своем традиционном понимании, растворившись в виртуальном континууме информационного общества». То есть его либо продадут, либо украдут, либо уничтожат. И отнюдь не в виртуальном континууме, а вполне реально.

Вот почему вопрос о необходимости радикального изменения коммуникативной стратегии в системе «архив – потребитель» в условиях, когда на первый план выдвигается не историческая, надвременная *ценность* ретроспективного документа, а его сиюминутная *польза* как «информационного сырья для инноваций», приобретает жизненно важное значение.

Современные *прагматики архивного дела* видят в архивах специфическую *разновидность «бизнес-центров»*, в которых хранятся товары, представляющие в условиях рыночной экономики определенную коммерческую стоимость. Используя западную терминологию, а вместе с ней – и западную систему ценностей, они с гордостью называют себя «менеджерами информационного потока», а не архивистами. Для многих «младоархивистов» словосочетания типа «культурное национальное достояние» и «подлинные

свидетельства эпохи» – *пустая риторика*, которая неуместна в деловом общении серьезных предпринимателей.

Не локализованная вовремя *болезнь взаимного непонимания архивистов и архивоведов* из латентной фазы угрожает перерасти в острую, реально угрожающую жизни конкретных архивных фондов, коллекций и собраний отдельных документов. *Не вина, а беда архивистов-практиков в их недоверии к современной теории.* Можно сказать, что *это следствие нарушения каналов коммуникации между достижениями современной науки об архивах и сотрудниками архивохранилищ.*

По нашему мнению, судьба традиционных архивов в формирующемся информационном обществе определяется отнюдь не конъюнктурными и – что еще более неприемлемо – коммерческими интересами потребителей. Именно реализация ими своей надвременной коммуникативной сущности как саморазвивающейся по собственным законам целостной системы в рамках единого архивно-информационного пространства обуславливает их существование не только во времени, но и в Вечности.

Т.С. ВОЛКОВА

**ВЕДОМСТВЕННОСТЬ
В АРХИВНОЙ ПРАКТИКЕ СССР И РФ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Осмысление богатейшего спектра коммуникативных возможностей мира российских архивов невозможно без учета специфики структуры этого мира, тех обстоятельств и условий его бытования и развития, которые существенным образом – и не всегда позитивно – влияют на процесс вовлечения архивных источников в интенсивный информационный оборот.

Особенности нашей архивной системы, ее самобытность, оригинальность, которыми мы так привыкли гордиться, необходимо адекватно оценить с точки зрения не только их целесообразности в конкретно-исторических условиях, но и соответствия задачам формирования в России современной эффективной модели информационного общества, вписывающейся (по терминологии ЮНЕСКО) в «новую глобальную информационную инфраструктуру».

В составе архивного наследия любого государства самый значительный и постоянно пополняемый объем материалов представлен документами официального происхождения. Действительно, именно госструктуры, являясь в определенном смысле информационными системами, создают и затем передают в государственные архивы наиболее ценные документы. В этом смысле они несут перед обществом большую ответственность за своевремен-

ное и возможно более полное наделение его достоверной информацией.

Но все ли ведомства осознают и тем более реализуют эту миссию? Скажем прямо – далеко не все. Печально, что среди «неосознательных» львиную долю составляют именно те, кто занимает ключевые места в государственной иерархии. *Важнейшей особенностью нашей архивной системы – и это резко отличает Россию (а ранее – СССР) от ведущих государств мира – является наличие масштабной сети ведомственных архивов, фактически не передающих архивные документы в госхранилища.*

Процесс формирования сети ведомственных архивов особого статуса восходит к 20-м годам прошлого века. К моменту распада СССР такими хранилищами располагали МИД, КГБ, МВД, Министерство атомной энергетики и промышленности и др. Отметим также так называемые ОГФ (отраслевые государственные фонды): Всесоюзный геологический, Центральный картографо-геодезический, Госфонд данных о состоянии окружающей природной среды, Центральный госфонд стандартов и технических условий, Госфильмофонд.

Легализуя сложившуюся практику, их право постоянного государственного хранения документов ГАФ СССР фиксировалось специальными правительственными решениями, в том числе Постановлением от 4 апреля 1980 г. № 274 «Об утверждении Положения о ГАФ СССР». К указанной группе тесно примыкало и Минобороны, располагавшее правом долговременного (75-летнего) срока хранения документов. Поскольку еще в середине 1950-х годов принцип ведомственности был признан на уровне ЦК партии «не противоречащим идее о централизации архивного дела в стране», советская историко-архивоведческая наука не занималась изучением данного феномена.

Между тем *могущественные ведомства фактически являлись полноправными собственниками созданных документов*, так как реализовывали три основных правомочия – фактического владения документами, пользования и распоряжения ими по собственному усмотрению. В статусе собственников они действовали независимо от государственных органов управления архивным делом.

Парадокс ситуации состоял в том, что *на международной архивной арене государство вплоть до перестройки отрицало сам факт отчуждения гигантских массивов документов ГАФ СССР в пользу отдельных ведомств и организаций*. Показательно, например, выступление представителя советской делегации на внеочередном конгрессе архивов в Вашингтоне в 1966 г. Заметим, что конгресс проходил в стране, которая, реализуя положения ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), первая в мире в том же 1966 г. приняла закон, не только декларирующий, но и гарантирующий право доступа индивидуального пользователя к документам учреждений и ведомств федерального правительства – закон «О свободе информации» (FOIA). Вашингтонский конгресс проходил под девизом «Либерализация доступа в архивы».

Если судить по официальной стенограмме (а не по информации о конгрессе в советской архивоведческой прессе тех лет), выступавший от СССР зав. Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС А.А. Соловьев произвел фурор. Он, с одной стороны, поддержал идею всемерного облегчения доступа в архивы, а с другой – заявил, что, в отличие от присутствующих, не видит предмета для дискуссии, так как в СССР – в силу преимуществ советской архивной системы – все открыто, нет ограничительных дат и т.п. По-своему он был прав – таких дат у нас действительно не существовало. В них не было смысла, ведь наиболее «чувствительная» документированная информация просто не передавалась в государственные архивы. Так вот, после заявления А.А. Соловьева в зале начался шум, слышались выкрики насчет архивов МИД, КГБ. И тут, огорошив оппонентов, выступавший сделал еще одно, как ему казалось, неопровержимое заявление: все разговоры о существовании в СССР архивов особого статуса – «буржуазная пропаганда». Вот такая получилась дискуссия...

Только *в годы перестройки* проблема ведомственности в архивном деле страны была не просто обозначена вслух, но и оказалась в фокусе общественного внимания. В те удивительные годы *ведомственность была названа одной из важнейших причин отставания исторической науки в СССР* в связи с недоступностью многих и многих ценных ведомственных фондов. Как следствие

были предприняты попытки (причем как государством, так и научной общественностью) расшатать условия существования архивов особого статуса и даже сломать их системы. Я имею в виду, например, Постановление Правительства СССР от 10 августа 1990 г. «О мерах по расширению доступа исследователей к документам архивов МИД СССР», впервые установившее норму о снятии грифа секретности с документов по истечении 30-летнего срока их хранения в архивах ведомства. Я также хочу напомнить об Указе Президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 24 августа 1991 г. № 82 «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР». Забегая вперед, замечу, что самим же Б.Н. Ельциным он был признан утратившим силу по Указу от 14 октября 1999 г. № 1359. Вероятно, это произошло из-за невозможности его реализации (как у нас принято говорить, «по ряду причин»). Действительно, как же выполнять требования по передаче архивов уважаемого ведомства в ведение государственных архивных органов – с чем же останутся его правопреемники?

Наконец, я хотела бы отметить два инициативных законопроекта. В разработке первого – «Основы законодательства о сохранении исторического наследия СССР» – приняли участие молодые ученые АН СССР; второго – «Об архивном деле» – ученые МГИАИ (он был опубликован в 1990 г.). Не имея возможности даже кратко сравнить содержание этих законопроектов, отмечу то, что их объединяло в интересующей нас области: наличие норм о недопустимости создания специализированных отраслевых архивов, права постоянного хранения государственными органами и организациями создаваемых документов со всеми вытекающими из него льготами и привилегиями.

Ну, а дальше СССР не стало, а проблема осталась. Каков же опыт ее решения сейчас, когда, с одной стороны, Российская Федерация является правопреемницей СССР, с другой же – реализует проект построения правового демократического государства? Ответ на этот вопрос в общих чертах может быть сведен к знаменитой фразе В. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Применимо к тому, о чем я скажу далее, и высказывание М. Жванецкого: «Очень трудно что-то менять, ничего не меняя, но мы будем».

Итак, если серьезно, каковы реалии? Каков теперь правовой статус особых ведомственных архивов?

Формально в России государственные органы и организации правом постоянного хранения документов национального Архивного фонда (далее – АФ) не наделены. Когда я говорю формально, то имею в виду и уже утратившие силу «Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» 1993 г., и действующий закон 2004 г. «Об архивном деле в Российской Федерации». В то же время уже сложилась практика формирования перечня федеральных органов исполнительной власти и организаций, которым разрешено депозитарное (долговременное) хранение документов Архивного фонда РФ. В период до 2004 г. такой перечень приводился в Указах Президента РФ об утверждении «Положения об Архивном фонде РФ» и изменений к нему. Теперь, согласно архивному закону, этот перечень должен формироваться Правительством РФ. К настоящему времени он утвержден Постановлением от 27 декабря 2006 г. № 808 и включает 20 структур. Костяк перечня составляют федеральные министерства (с подведомственными им федеральными службами), а также самостоятельные федеральные службы и агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ: МВД, ФМС системы МВД, МИД, Минобороны, ФСИН системы Минюста, СВР, ФСБ, ФСКН, Служба специальных объектов при Президенте РФ (подведомственная организация Главного управления специальных программ Президента РФ).

Архивным законом установлено (ст. 18), что сроки и условия депозитарного хранения и использования документов АФ РФ структурами, включенными в перечень, должны фиксироваться в договорах, заключаемых ими с Росархивом (с мая 2008 г. находится в ведении Министерства культуры РФ). При этом не предусмотрена, даже гипотетически, возможность передачи документов учреждениями системы архивных депозитариев на постоянное хранение в государственные архивы. Понятно, что указанные договоры можно будет продлевать, перезаключать. Таким образом, *привилегированные структуры де-факто смогут хранить документы АФ РФ постоянно (бессрочно).*

Складывающуюся систему архивных депозитариев уже именуют *«отраслевыми архивными фондами»* или *«специализированными отраслевыми ведомственными фондами»*, хотя закон таких понятий в качестве правовых не вводит. Закон демократического государства не может содержать и, конечно, не содержит норм, подразделяющих архивы по степени доступности их документов для пользователей на *«ограниченно публичные»*, *«доверительные»*, *«закрытые»*. Между тем эти определения встречаются в нашей историко-архивоведческой литературе при характеристике архивных депозитариев. Интересно при этом, что такие типы архивов в 1990-е годы связывались исключительно с тоталитарными режимами правления (см., напр.: В.П. Козлов «Архивы Центральной и Восточной Европы в период государственно-правовых преобразований» – выступление на Международной архивной конференции в Пулавах (Польша, 1996 г.)). Вообще, в Росархиве констатируют: переход на договорную форму взаимоотношений с «рядом ведомств» способствовал тому, что, если «раньше эти ведомства и их документация были практически закрыты для нас (уже не говорим о пользователях!), сегодня наши возможности несколько расширены».

Но как же на деле реализуются возможности «удержания соответствующих министерств, отраслевых фондов в сфере нашего влияния и контроля»? Вот один показательный пример. Вы, может быть, знаете, что в 1997 г. был опубликован прекрасный путеводитель «Архивы России: Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель», включающий раздел «Основные ведомственные архивы». Как отмечают составители, «некоторые ведомства под тем или иным предлогом отказывались отвечать на анкеты, другие давали неполные ответы, опуская часть сведений». Поэтому составители, включая в путеводитель характеристики состава документов ряда ведомственных архивов, «не предоставивших необходимую информацию», пользовались лишь «всеми доступными источниками». Им пришлось принести извинения перед пользователями «за возможное появление в справочнике устаревших или не полностью проверенных данных».

В Росархиве полагают, что создание архивных депозитариев является «существенным шагом в ограничении ведомственной собственности на архивные документы» (см.: А.В. Грошев «По неус-

тойчивой орбите: Административные преобразования и архивы» – выступление на Всероссийской научно-практической конференции «Архивоведение и архивное дело в России (1991–2005): Осмысление пройденного» (М., 2006). Трудно согласиться с этим. Полноте! Помним: кто фактически владеет каким-либо имуществом – в нашем случае документами, – тот пользуется и распоряжается ими по собственному усмотрению. Какие тут могут быть ограничения, тем более существенного характера?

Представляется очевидным, что новая «обертка» для оправдания ведомственности в нашей архивной практике не меняет сути дела. *Как и в СССР, архивная ведомственность в РФ тесно увязана с потребностями официальной секретности, ориентированной, в том числе, на строгий учет и охрану архивов от потенциальных пользователей.* И в новых исторических условиях мы не умеем и не хотим иначе, чем по ведомственному признаку, хранить нашу государственную тайну и иные секреты, число которых год от года разрастается в геометрической прогрессии, подкрепляемое все новыми правовыми нормами о защите тех или иных блоков информации. Между тем *в государствах с развитой правовой, административной, научной культурой ведомственность в архивном деле рассматривается как архаичный метод, устаревшая технология, неприемлемая в чистом виде в деле охраны государственной и иной охраняемой законом тайны.* Здесь используют иные, основанные на балансе интересов личности, общества, ведомств и государства в целом, подходы к обеспечению безопасности сведений, содержащихся в архивных документах официального происхождения.

В США же, реализующих концепцию открытого общества и располагающих развитой системой взаимосвязанных и взаимодействующих законов, которые регулируют правоотношения вокруг документов, архивов и информации на федеральном уровне (их нормы по предметам ведения кодифицированы в титуле 44 «Свода законов Соединенных Штатов»), все ведомства и учреждения, в том числе самостоятельные и подведомственные структуры разведывательного сообщества, обязаны сдавать документы на хранение в Национальный архив системы Администрации национальных архивов и документации (NARA – самостоятельное ведомство, ее статус приравнен к министерскому). В этом архиве сосредоточены

архивы предшественников современных спецслужб (см., напр., фонды (документальные группы – record groups) 263 – ЦРУ (CIA), 65 – ФБР (FBI), 373 – Разведывательное управление Минобороны (DIA), 226 – Управление стратегических служб (OSS) и др.). Пользователь при этом предупреждается о наличии в фондах засекреченных документов (security-classified records) или иных категорий информации ограниченного доступа (см.: Guide to Federal Records in the National Archives of the United States. W., 1995, vol. 3, p. 2428 p.).

Более того, одним из подразделений NARA является Наблюдательное управление безопасности информации (ISOO), осуществляющее мониторинг системы официальной секретности США (Security Classification System), параметры которой определяются соответствующими президентскими исполнительными приказами (ныне действующий – № 12 958 «Засекреченная информация о национальной безопасности» от 17 апреля 1995 г.). Именно ISOO NARA, предписывая соответствующие процедуры, координирует деятельность и контролирует работу федеральных ведомств и учреждений по засекречиванию, обеспечению секретности и рассекречиванию документированной информации официального характера, содержащей государственную тайну США (national security information).

В свете сказанного только трогательной неосведомленностью автора (руководителя Государственной архивной службы России в 1990–1996 гг. Р.Г. Пихоя) можно объяснить утверждение: «аналоги» заключения соглашений между ведомствами и государственными органами архивного управления «известны лишь в США и ФРГ» (см.: Об итогах работы учреждений Государственной архивной службы России в 1994 г. и задачах на 1995 г. // Отечественные архивы. 1995. № 3). За неимением времени остановлюсь опять на США. Возможно, автор имел в виду знаменитые президентские библиотеки? Ведь именно они имеют правовой статус президентских архивных депозитариев. Но *президентские архивные депозитарии* (на сегодня их 12) отнюдь не являются особыми ведомственными архивами. Напротив, это публичные (общедоступные) специализированные хранилища NARA (подробнее см. статьи Т.С. Волковой: Правовой режим хранения и использования прези-

дентской документации в США (Президентские бумаги) // Отечественные архивы. 2005. № 2; Президентский архив Р. Никсона: Статус, хранение, состав, доступность // Там же. 2006. № 2).

Кстати, не без влияния американского опыта у нас недавно принят Закон «О Центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий» (от 13 мая 2008 г. № 68-ФЗ). Установлено, что каждый такой Центр создается Администрацией Президента РФ в организационно-правовой форме фонда и, таким образом, едва ли будет включаться в систему хранилищ, подведомственных Росархиву. Росархив уполномочен лишь осуществлять «контроль за состоянием Архивного фонда Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и других архивных документов Центра». При этом в архивный закон дополнительно включена ч. 5 ст. 18: «Документы Архивного фонда Российской Федерации, находящиеся в собственности Центров... подлежат постоянному хранению». Закон № 68-ФЗ в числе задач центра называет «изучение и публичное представление исторического наследия Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, как неотъемлемой части новейшей истории России, развития демократических институтов и построения правового государства». Однако он не содержит норм публичного допуска к документам Архивного фонда Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, включаемых в состав АФ РФ, и к другим архивным документам Центра, хранимым его Архивом. Как говорится, почувствуйте разницу.

Мне не хочется завершать на грустной ноте. Жизнь идет вперед. Сейчас в организации нашей архивной системы еще явно просматривается цепкое наследие прошлого. Но в будущем, возможно, мы увидим архивную реформу, преобразования которой отразят действительно новые идеи и технологии работы с документами и их пользователями, инновации в развитии системы общедоступных архивов, способствующие реализации коммуникативной стратегии историко-документального наследия в наиболее полном объеме в интересах российского общества.

ДИСКУССИЯ

И.И. Глебова: Благодарю, уважаемые докладчики. Мне кажется разумным выделить из сообщений несколько блоков проблем для первоочередного обсуждения.

Первое: что есть архив в нашем обществе, какую «смысловую нагрузку» он несет? Коллеги говорили о культурно-гуманитарной интерпретации архива, которая пришла к нам с Запада и воспринимается пока как метафора. У нас большей частью преобладала технологическая, управленческая, служебная, я бы даже сказала «подсобная» интерпретация архива. В России – дореволюционной и особенно советской – архив понимали как нечто вторичное, функциональное, но не как полноценный институт памяти. Если заострить проблему для дискуссии, то получим такую оппозицию: *архив как институт памяти в обществе, которое формируется и воспроизводится памятью, или архив как некая функция, подсобная структура, «складирующая» ретроспективную информацию.* Можно сформулировать иначе: архив – это гуманизирующий культурный институт, в опоре на который происходит общественная самоидентификация, или преимущественно технологии хранения? Какая из этих моделей подходит для нашего общества, точнее – какая из них доминирует?

Второе: как оценивается архив, его возможности «изнутри», т.е. *как видится образ архива самим архивистам?* И почему их оценки входят в противоречие с позицией архивоведов, которые отстаивают широкую, культурологическую, культурно-гуманитарную интерпретацию архива? В выступлении Евгения Васильевича <Старостина> прозвучала красивая формула: «Архивист должен быть врачом памяти». То есть в идеале он должен врачевать общество, способствовать его оздоровлению. Способен ли у нас архивист быть врачом памяти, творцом культурных ориентиров для общества?

И третье: *ведомственность и ограничение свободы доступа как проблемы архивной истории нашей страны.* Здесь возникают два вопроса: каковы механизмы воспроизводства этих проблем;

являются они преодолимым или непреодолимым наследием прошлого?

Вот такие три проблемы: что есть архив (как он воспринимается обществом), как архив понимается его работником и каковы традиционные проблемы наших архивов. Последние, кстати, преимущественно трактуются как болезнь, негативное наследие (когда-то царизма, теперь советизма). То есть как нечто ненормальное, внеположное цивилизационным нормам. В конечном счете мы пытаемся выяснить, в чем норма существования архива в нашем обществе. А значит – каковы приемлемые стратегии его развития, его адаптации к новому, современному, постоянно меняющемуся миру.

Е.В. Старостин, ИАИ РГГУ: Все зависит от того, как мы толкуем слово «архив». Дело в том, что в 1983 г. собрались лучшие эксперты ЮНЕСКО и ООН на конференцию по государственным архивам и государственным долгам. Они неделю спорили и так и не договорились, что такое государственные архивы. Неделю! Лучшие умы.

Есть два определения – и в зависимости от того, какое мы возьмем, будем «плясать» в ту или в другую сторону. Архив – это собрание документов, сложившееся в процессе деятельности физического или юридического лица. Западное определение. Архив – государственное учреждение, комплектующее, описывающее, сохраняющее документальное наследие. Наше определение. Если мы выберем первое – это одна позиция, если второе – другая.

! **И.И. Глебова:** Все это так. Но ведь Вы, Евгений Васильевич, выступаете с позиции более высокого, что ли, порядка. Вы говорите об архиве как институте памяти. Но тогда и общество должно быть более высокого порядка, чтобы породить такой институт. Не секрет, что у нас преобладает понимание архива как чего-то технологического, управленческого, информационного. Такая «подсобная» интерпретация архива ориентирует его на задачи первого (не скажу низшего) порядка – исключительно технологические. Это задачи выживания (этакий технологический минимум), но не развития. Если же мы говорим о культурно-гуманитарной интерпретации – об *архиве, гуманизирующем общество*, – это бо-

лее высокая планка, развивающая ориентация. И надо понять, что же соответствует нашему обществу, на какую модель архива оно ориентировано и что в связи с этим можно о нем сказать? Итак, уважаемые коллеги, есть ли вопросы к докладчикам?

! **А.Д. Степанский, ИАИ РГГУ:** У нас, коллеги, сейчас такая проблема: мы – архивисты в библиотеке. О соотношении архивов и библиотек сегодня говорилось, но я хочу обратить внимание на то, что не только меня непосредственно касается, но и всех нас сближает. Мы должны придать большее значение публикации исторических источников. Это очень существенное, «пограничное» направление: оно находится на грани, где смыкаются архив и библиотека. Может быть, стоит в дальнейшей работе Центра россиеведения как-нибудь остановиться на этой проблеме – и с точки зрения книговедения, и с точки зрения исторической науки и архивного дела. Это некоторое дополнение к тому, о чем здесь уже говорилось.

? **В.Ю. Афиани, Архив РАН:** У меня вопрос к Евгению Васильевичу Старостину. Что Вы скажете о ведомственной практике в архивах Франции? Вот, скажем, в Министерстве иностранных дел – каковы сроки передачи документов в Национальный архив?

Е.В. Старостин: Франция – это страна, сидящая на убожеской, так скажем, централизации. Есть Национальный архив – и пять-шесть архивов в составе министерств, которые хранят у себя документы вечно. Они не передают документальные материалы в Национальный архив, а держат их у себя. Но во Франции есть понятие «публичные бумаги» (это что-то типа «народной» бумаги): архивы должны их использовать, т.е. они не имеют права держать их у себя и не предоставлять пользователям – в читальные залы и т.д.

Я понимаю, о чем Вы говорите: конечно, ведомственность жива и живуча во Франции. И, кстати, французы постоянно ее критикуют. Но можно одну маленькую деталь? Допустим, я прихожу в наш архив Министерства иностранных дел, меня принимает моя бывшая дипломница и спрашивает: «Евгений Васильевич, что Вам

нужно?» И я отвечаю: описи за 1918–1919 г., хочу узнать, как Чичерин относился к ленинскому декрету о централизации архивного дела. А она не выдает эти описи, а предлагает подобрать мне подходящие – с ее точки зрения – материалы. Такое решение проблемы доступа сильно отличается от французской практики.

❓ **И.И. Глебова:** То есть получается конфликт – ведомственности и публичности. В рамках этого конфликта и возникают вопросы: что *преобладает в нашем архиве – режим доступа или режим охраны*? Ориентация на открытость, публичность, не вредящая хранению, или на охрану? В чем наша норма – в режиме публичности, широкой доступности или в режиме охраны?

Т.С. Волкова, ИАИ РГГУ: Проблема доступа к архивам вообще представляется ключевой в организации и функционировании архивной системы в любой стране. Для России, как собственно и для других стран, *норма должна быть в балансе, точнее – в соблюдении баланса режимов доступности документов и их охраны*. Самое трудное – выработать правовые, административные, научные, финансовые, технические механизмы обеспечения такого баланса. Здесь полезно обращение к опыту теоретического и практического решения этой задачи в государствах, где открытость административного процесса рассматривается как гарантия ограждения граждан от произвола бюрократии, базовый демократический принцип жизнедеятельности общества, но где при этом установлены разумно обоснованные и понятные гражданам пределы гласности правительственной деятельности.

Представление о том, как проблема достижения баланса решается, например, в США, можно получить, просто взяв в руки архивное дело, содержащее официальные документы. В деле обычно встречается некоторое количество «вкладышей» яркого розового цвета. Я сейчас покажу вам ксерокопию одного из них, любезно предоставленную мне американскими коллегами в период стажировки в Мичиганском университете в Анн-Арборе в 1994 г. Это так называемый лист изъятия, имеющий специальный федеральный номер регистрации. В данном случае это «лист изъятия» документа в одном из дел, хранящихся в президентской библиотеке

Дж.Р. Форда. «Лист изъятия» служит не только для учета изъятых из общедоступного архивного дела документа, имеющего режим ограниченного доступа, но и для информирования пользователя о существовании такого документа в принципе, а также о его возврате в сферу публичного доступа по истечении срока действия ограничений.

Причем важно, что пользователь не просто информируется. «Лист изъятия» является одним из важнейших инструментов в реализации прав пользователя, предоставляемых законом «О свободе информации». В частности, права подачи в суд иска к держателю информации на предмет проверки обоснованности изъятия документа из свободного доступа, даже если он изъят на основании принадлежности содержащейся в нем информации к категории секретных сведений. Именно «лист изъятия» содержит все необходимые данные о документе (причина изъятия, заголовок, вид, сведения об авторе и адресате, дата создания, объем, номера дела, серии, фонда и др.), необходимые для составления искового заявления по установленному судом образцу.

По опыту могу сказать, что у американцев очень много документов ограниченного доступа; архивные дела буквально нашпигованы «листами изъятия». Но все же они пытаются выдерживать баланс режимов доступности и охраны. Одним словом, без стремления к балансу невозможно решить проблему, проистекающую из глубокого внутреннего противоречия между интересами государства в обеспечении своей информационной безопасности и интересами его граждан в реализации права на доступ к информации.

Е.В. Старостин: Баланс есть баланс, но историку, как я понимаю, для того, чтобы написать работу, необходимо получить весь научно-справочный аппарат и все материалы. Иначе он – не ученый, он занимается самообманом. Совершенно очевидно: если из ста документов один может указать на ошибку или позволит подойти к разумному решению, все остальные окажутся своего рода макулатурой. Потому, наверное, баланс должен быть в пользу исследователя. У нас такие балансировки не складываются. Но, кстати, очень *симптоматично*, что определение «*архив как институт памяти*» зафиксировалось в языке, вошло в наш вокабу-

лярый. Так формируется традиция, в рамках которой возможно некоторое изменение балансировок. Потому что *такое представление об архиве заставляет сам архив корректировать свои стратегии, открываться пользователю.*

! **Ю.С. Пивоваров, ИНИОН РАН:** Я – первый из говорящих сегодня, кто к архивному делу никакого отношения не имеет. Поэтому смотрю на происходящее несколько со стороны. И вот, мне кажется, что архивные люди слишком много на себя берут, утверждая, что архив – это институт национальной памяти, инструмент формирования общественного сознания и т.д. Здесь *вы явно пользуетесь метафорами.* Мы сейчас находимся в здании Института научной информации по общественным наукам, который «генетически» связан с большой библиотекой – более 14 млн. единиц хранения. Если и здесь воспользоваться метафорой, можно сказать: архив – это память общества, а библиотека – это сознание общества. Сказать можно, но и то и другое будет неправдой. Это *нам* так хочется, *нам* так кажется.

Вы говорите, что архив – это национальная память, которая формирует общество... А я скажу: ерунда все это. Вот Вы, Евгений Васильевич <Старостин>, говорите – исследователю нужно знать архивы, чтобы написать правду. Лев Николаевич Толстой в Исторической библиотеке – это зафиксировано – прочел все, что тогда было написано о Бородинском сражении: на всех языках, ему доступных, и все книги, которые там собрали. И полное вранье написал про Бородинское сражение. Понятно, почему: то, что русские победили под Бородино, он знал заранее. Во всем мире это принято считать поражением русских, но после Толстого и Лермонтова ничто, никакие архивные материалы не вычеркнут из нашего сознания победное Бородино. Конечно, из истории военного дела точно известно, что русские несокрушимы, но все-таки под Бородино мы потерпели поражение – отошли, оставили столицу...

И с архивом – случай тот же, что с библиотекой. Для нас архив – это национальная память, библиотека – сознание общества. Но ведь наше-то общество читает вовсе не те книги, которые здесь, в научной библиотеке, хранятся. Понимаете, какая штука? Выйдите

после этого семинара к метро и, если не очень холодно, увидите: там продают книги, которые формируют совершенно иное сознание.

Доступ в архивы, ведомственные или неведомственные, работа историков с архивными документами – и что? Вот, в 1990-е годы архивы приоткрылись, историки стали писать в опоре на них. Но по сей день народ как считал Сталина своим главным героем, так и считает. И т.д., и т.п. Мне представляется, что архив – это все-таки подсобное хозяйство, как и библиотека. А дело в том, что *обществу, в общем-то, архив не нужен*. Участь архивов, библиотек, музеев в нашем обществе, к сожалению, очень скромная. И очень скромно они формируют наше общество.

Ведь дело не только в состоянии архивного или библиотечного дела, или музейного дела. *Видимо, дело в природе самого общества, в его потребностях, запросе и заказе. Дело в том, что оно хочет или не хочет знать*. Если завтра по телевидению показать документы, разоблачающие товарища Сталина, вы думаете, те 95%, которые его любят, перестанут любить? Будут все равно! И какие бы издания к нам в ИНИОН ни приходили, общество все равно будет читать книги Фоменко, изданные огромными тиражами. Если, например, В.П. Булдаков напишет новый труд о революции, его прочтет сто человек, а Фоменко – миллион. И как вы здесь сформируете общество, память? Как-то это все по-другому происходит. Архив – подсобное хозяйство пока, как и библиотека. Как вы понимаете, я специально заостряю проблему для дискуссии, так сказать, провоцирую вас.

– Шум и оживленные споры в зале –

Е.В. Старостин: Нет, это в корне неправильная точка зрения. И я полагаю, она бытует в среде администраторов, которые управляют мэриями и т.д., кончая высшими нашими деятелями. Она появилась и прижилась с XVIII–XIX вв. Но за это время наша политическая аристократия как-то воспитывалась и пришла к мысли о том, что страна нуждается в обновлении. А обновить страну можно, только обращаясь к истокам. Архивы хранят элементы нашей памяти. И должны существовать автономно, чтобы не указывали «сверху», что уничтожать и что сохранять. Вот,

например, когда нужны были полочки для документов совнархозов, администраторы взяли и уничтожили церковные документы.

Я понимаю, что *защитить свою профессию чрезвычайно сложно*, потому что архивы не обладают большими бюджетами и значительной численной силой, вес архивистов в обществе совершенно ничтожный. Я выступал на одном конгрессе с докладом, где выделил несколько врагов архивов. Первый – это чиновник, который говорит: а, ну его – все эти хранилища памяти – к чертовой матери! Потом – историк, который говорит: мы можем о Бородинской битве написать гораздо лучше, чем Лев Николаевич Толстой. Наконец, сам архивист является противником, даже врагом, потому что он никогда ничего не просит, его всегда задвигают в дальний угол. Но парадокс заключается в том, что в любом случае *архивные документы – оставшиеся, сохранившиеся – являются нашим спасением, нашим якорем, который все-таки вытащит нашу идентичность на воздух*. Используя именно материалы архивов, мы лучше осознаем, кто мы, куда и зачем идем, какие ошибки совершили. *Иначе нам постоянно будут врать*.

! **И.И. Глебова:** Я бы не ставила на этом точку. Сможет ли архив, • взгляд через архивную призму изменить наше желание «врать», как Вы выражаетесь, самим себе? Или приукрашивать себя, используя для этого какую-то часть архива и забывая о другой. Дело не в том, что нам врут (о прошлом и настоящем), а в том, что подавляющее большинство граждан хочет этой лжи. Точнее, никогда не разменяет их возвышающийся обман на «низкие истины». А это гораздо хуже, чем если бы людям лгали, а они понимали это и жаждали правды – о себе. Нам правда не по силам – она ни к чему ни управляющим, не управляемым. Наше время это демонстрирует очень ярко – по-своему не менее отчетливо, чем советская эпоха.

? **В.П. Булдаков, ИРИ РАН:** У меня вот какой – неожиданный, • может быть, – вопрос. Наверное, всем известно, что в нашей социальной среде слово «архивариус» звучит несколько иронично. Это человек, который занимается чем-то непонятным и непонятно, для чего. Вот, скажите, пожалуйста, во Франции, в Штатах – я никогда не интересовался этим сам – так же относятся к архивистам

или, может быть (надеюсь), как-нибудь по-другому? И вообще, возможно ли, в принципе, то общество, где к архивисту относились бы с некоторым пиететом?

❓ **И.Л. Беленький, ИНИОН РАН:** Когда вы говорите о балансе между доступностью и ограничением, как обосновывается положение об открытости? Что такое открытость – представление о некоем доступе, нереальном или реальном? Ведь *никакой открытости в принципе быть не может. Ни в одной стране.* Потому что архив – социально-политический институт, который в каждом конкретном случае действует по-разному, но нацелен все-таки на сохранность любой ценой.

❓ **И.И. Глебова:** Но, позвольте, зачем же тогда хранить – для кого и для чего? В чем смысл сохранности любой ценой, если наша цель – закрытый архив?

❓ **В.П. Булдаков:** Минуточку, пожалуйста. Дополнение к вопросу Иосифа Львовича <Беленького>. Где-нибудь, в какой-нибудь стране существуют архивисты, которые горели бы желанием предоставить материалы пользователю – как, грубо говоря, продавец предлагает свой товар: «Ради Бога возьмите, это хорошо и интересно»?

❓ **Ю.И. Игрицкий, ИНИОН РАН:** У меня вопрос, скорее, в дополнение к предыдущим. В силу своих редакторских обязанностей (Ю.И. – редактор журнала «Россия и современный мир») я проявляю живой интерес к тем материалам (историческим и неисторическим), в которые введены архивные документы. И у меня всегда возникал вопрос: какова интенсивность использования тех или иных архивов? Когда мы говорим об обращении к архивам, естественно, возникают проблемы свободы доступа, некоммерческого использования. Но вот еще одна сторона вопроса: человек, который читает книги, статьи, обращает особое внимание на то, к каким архивам обращались авторы. Так у него формируется представление о важности того или иного архива. Есть ли данные, которые позволяют установить своеобразный рейтинг, судить о сте-

пени использования того или иного архива? Мне кажется, эта проблема очень важна для развития народа, страны, нации в определенном культурном контексте. Такого рода знание способствует формированию собственной культурной традиции: ведь в архивы идут для выявления каких-то исторических фактов, исторических тенденций, рассказа о нас самих, в конце концов.

Т.И. Хорхордина, ИАИ РГГУ: По поводу вопроса об открытости архивов. В принципе, *спецхраны* – это не только российская специфика. Они есть в любом зарубежном архиве. В мировом архивоведении принята такая практика: комплексы документов засекречиваются до определенного времени (по условиям их владельцев) и сдаются в спецхраны. Это нормально, и архивисты обязаны выполнять условия владельцев документов.

В чем же наша, российская специфика? Во всем мире все очень просто: доступ исследователей к архивам осуществляется на основании действующего законодательства. Формально и у нас так. В разных странах существуют разные сроки секретности – от 30 лет до 50 (подчеркиваю: и в странах с демократическими традициями). Что же у нас произошло? В 1991 г. мы декларировали, что наши архивы открыты, публичны. *Принцип публичности* был зафиксирован в Постановлении «О временном порядке доступа к архивным документам и их использовании» от 19 июня 1992 г., а также во временном Положении «О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования» в конце 1992 г. И даже в 1993 г., в первом в истории отечественного архивоведения законе «Основы законодательства об архивном фонде РФ и архивах», был установлен 30-летний срок секретности. Мы, исследователи, плясали, можно сказать, от радости, что теперь можем поработать с документами, которые были ранее на секретном хранении.

Но тут сработала наша российская специфика: как это, к сожалению, не раз бывало в истории нашего государства, демократические нормы закона от 7 июля 1993 г. были уже через полмесяца перечеркнуты законом «О государственной тайне», принятом 21 июля 1993 г. Самое печальное, что этот закон лишил *российские архивы права самостоятельно рассекречивать документы, которые давно уже потеряли свою секретность*. Архивам было предложено

рассекречивать их только с участием учреждений-фондообразователей. Но мы же с вами прекрасно знаем, какая ситуация сложилась в стране в начале 1990-х годов. После 1991 г. многие учреждения и предприятия приказали долго жить, а правопреемников не имели. И архивы оказались в тупике.

Документы, которых в каждом архиве скопилось несколько сот тысяч и больше, было предложено рассекречивать комиссиям по рассекречиванию, созданным при Президенте Российской Федерации, потом комиссиям по рассекречиванию документов КПСС и т.д., и т.п. По российской традиции, эти комиссии – вы только вдумайтесь, *комиссии по рассекречиванию – работали до последнего времени в таком режиме секретности, что никакой информации об их деятельности научная общественность не имела.* Это во-первых. А во-вторых, даже при всем желании члены комиссий, которые собирались раз в месяц, могли рассекретить десять, пусть даже сто дел (больше за одно заседание просто физически не получалось). Но это была капля в море, потому что в одном только Государственном архиве РФ (ГА РФ) скопилось несколько сот тысяч дел. С.В. Мироненко, директор ГА РФ, выступая на каждом форуме, на каждом «круглом столе», с болью говорит о ненормальной ситуации, которая сложилась с рассекречиванием документов. Он даже приводил пример: несколько лет назад он попробовал, несмотря на этот закон и другие подзаконные акты, предоставить материалы родственникам французских военнопленных (срок секретности этих документов давно уже истек – 60 лет прошло). Но, как он говорит, его буквально затаскали по судам и конца края им нет. Вот такая ненормальная ситуация сложилась в российских архивах в деле рассекречивания документов. И здесь не вина архивов и архивистов. Они и рады бы рассекретить документы, срок секретности которых истек, да права не имеют. То есть *архивы оказались заложниками ситуации.*

Теперь что касается практики американских архивов, о которой говорила Тамара Серафимовна <Волкова>. Помните: если в деле есть какой-то секретный документ, то он просто заменяется чистым листком, на котором фиксируется вся информация (когда документ будет рассекречен, чему он посвящен и т.д.). У нас же, если в деле есть документ, находящийся на специальном хранении,

то засекречивается, как правило, все дело. И исследователи здесь бесправны.

Т.С. Волкова: Здесь прозвучал вопрос об отношении к архивистам, архивному делу в других странах. У нас многих коробит слово «архивист», тем более «архивариус». С этим сталкиваешься даже в стенах Историко-архивного института, причем не в студенческой среде. Вспоминаю, например, такой случай. В середине 90-х годов готовился новый пятилетний учебный план специальности «историко-архивоведение». В одном из его вариантов, разработанных коллегами с исторических кафедр, первое слово в квалификации выпускника «историк-архивист» было набрано крупным жирным шрифтом – тем самым как бы *подчеркивалась незначительность, второсортность, что ли, второго*. И смех, и грех.

С таким отношением к людям нашей профессии в странах, где пришлось побывать, лично мне встретиться не довелось. В США, например, «управляющий документацией и архивами» – довольно уважаемый специалист. Это связано с тем, что само умение профессионально «вести» документированную информацию на всех стадиях ее жизненного цикла, т.е. создавать ее, хранить и использовать, там считают *важнейшей составляющей процесса управления*, сопоставимой с умением управлять финансами и людскими ресурсами. Более того, относят к показателям уровня развития *административной культуры*. Поэтому многие университеты США и Канады готовят соответствующие кадры высшей квалификации. Например, Мичиганский в Анн-Арборе, Британской Колумбии и другие университеты славятся магистерскими программами «Архивные исследования» (Master of Archival Studies). Их выпускники востребованы в архивохранилищах публичного и частного сектора.

Как, вы думаете, называется должность руководителя американского федерального архивно-документационного ведомства? – Архивист Соединенных Штатов Америки (и это закреплено законодательно). Архивист США относится к категории высших должностных лиц государства, назначаемых президентом «по совету и с согласия сената». Это означает его прямую ответственность перед

главой государства за порученное дело, дает ему право непосредственного обращения к президенту для обсуждения проблем отрасли без какого-либо посредника в лице вышестоящего министра и т.п. Это говорит о статусе профессии, об отношении к архивному делу и работе с документами вообще на самом высшем уровне. А внимание государства, конечно же, чувствуется обществом. О корректном отношении свидетельствует и создание благоприятных условий для *выполнения архивами их «миссии»*, как там принято говорить. Достаточно увидеть комплекс зданий Национального архива в Вашингтоне, в Колледж-парке: архитектура, дизайн, оснащенность и т.п. Все это тоже *воспитывает в гражданах уважение к архивам*, способствует пониманию важности работы архивистов для общества.

Е.В. Старостин: Я дополню. Во Франции архивисты являются чиновниками Министерства культуры. И они получают заработную плату по рангу Министерства культуры. Они – госслужащие, их оплата приравнена к профессорской, к зарплате преподавателей и профессоров вузов. Поэтому они неплохо живут. Если они и ощущают свою экономическую второразрядность, то это *несравнимо с нашей социальной приниженностью*.

Т.И. Хорхордина: Прежде чем ответить на вопрос уважаемого коллеги о степени использования архивов, я скажу буквально реплику о ведомственности. Ведомственность ведомственности рознь. В нашем семинаре участвует уважаемый директор ведомственного архива – Архива Российской академии наук. Но это две большие разницы – ведомственность, скажем, Архива Министерства иностранных дел и Архива академии наук. Академический архив очень любят исследователи на протяжении уже нескольких веков, потому что у него – давно сложившиеся научно-исследовательские традиции, свой коммуникативный стиль. И это отнюдь не случайность.

По поводу степени использования архивов. По моему, этот вопрос смыкается с вопросом о том, что архив – хранилище памяти. Я бы сказала так: все зависит от степени готовности общества. Продемонстрирую свою мысль на историческом примере. В 1956 г.

вышло постановление о рассекречивании – «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств». Многие необоснованно засекреченные материалы, целые документальные комплексы были переведены на открытое хранение. И, казалось бы, историки, и определенная часть общества могли ждать всплеска публикаций. На самом деле этого не произошло. Хотя количество исследователей в читальных залах архивных учреждений и увеличилось с трех до девяноста тысяч человек, они как исследовали дореволюционную историю, так и продолжали исследовать (притом что целые комплексы документов по истории XX в. уже были открыты).

Короткий период оттепели, в том числе и в архивном деле, показал, что реальность сложнее наших представлений о ней: не все зависит от исследователей или от состояния научно-справочного аппарата архивов. Прежде всего, *общество должно быть готово к определенным изменениям, к новым предложениям со стороны архива*. Известно, как в 1950-е годы в советской науке ощущалось давление конъюнктурных обстоятельств. Свободно исследовать историю советского общества и публиковать правдивые научные труды было очень трудно из-за того, что историки испытывали прессинг господствовавших в то время идеологических установок. Что касается публикационной деятельности архивов, то архивисты постоянно сталкивались с объективными трудностями: в каждом конкретном случае оценивалось историческое и политическое значение документа, публикация должна была производиться без личных подписей так называемых врагов народа и т.д.

Но многое все-таки зависит еще и от архивов. Ведь чтобы исследовать какие-то проблемы или целые пласты истории, необходимо в идеале брать фонд во всей целостности и публиковать, учитывая генетические, логические, естественноисторические связи составляющих его документов. И не специалисту очевидно, что это невозможно. Тогда нужно было бы публиковать весь архив, что просто физически нереально сделать. Поэтому я думаю, что *степень готовности общества принять в целостности свою историю, как и степень готовности архивов удовлетворить этот запрос, – вещи взаимосвязанные*. Чем больше архив издает справочников, путеводителей, обзоров и т.д., т.е. обеспечивает исследова-

телей качественным научно-справочным аппаратом, тем больше общество, ученые подготовлены к взаимодействию с архивом.

И.И.Глебова: У нас без ответа остались два вопроса: о «рейтинге» архивов и архивных стратегиях, цель которых – «поймать» потребителя. Я хотела бы попробовать на них ответить, если коллеги позволят. Мне кажется, эти вопросы тесно связаны, так как нацелены на выявление коммуникативной функции архивов. *«Рейтинг» использования во многом есть отражение специфики хранения, т.е. «рейтинга» архивов в системе.* Традиционно самыми востребованными у нас были (и остаются) архивы государственные (а не ведомственные, «общественные» или личные), центральные (а не местные). Это обусловлено централизованным характером хранения.

Хотя, конечно, случаются периоды, когда растет популярность региональных хранилищ (вместе с интересом к местной истории). Так же периодически интенсифицируется исследовательский запрос «на» определенные исторические эпохи и проблемы. Скажем, в 1920-е и 1990-е годы, на пике социальных изменений, чрезвычайно востребованной стала история «вчерашнего дня» – «романовского самодержавия», революционного движения, затем КПСС, советского общества и т.д. В такие моменты XX в. теснит «древность», «Средневековье», «Новое время», спрос на которые традиционно высок. Потом интересы так или иначе выравниваются. В любом случае документы эпох, хронологически близких к современности, разрабатываются менее интенсивно – это понятно. Существуют у исследователей и «проблемные» приоритеты. Так, традиционно любим был (и есть) РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). В целом сведения об интенсивности использования архивов собираются Федеральным архивным агентством. Не знаю, считает ли оно необходимым придавать их гласности. Резон в публичности таких данных, безусловно, есть.

Метафора «погони» архивиста за исследователем на практике реализуется в опережающих стратегиях информирования – об архиве и хранимых им документах. Как создается запрос, формируется пользователь? Просветительской деятельностью – выставки, работа со школьниками, студентами и пр. Если историко-

документальные выставки стали в последнее время важным средством публичного продвижения архива, то «выращивать» пользователя пока не получается – нет ни встречного интереса, ни средств. Здесь, пожалуй, даже на местах (в рамках краеведения) больше возможностей, чем у центральных архивов.

Что же касается движения навстречу исследователю, его подготовки к встрече с архивным документом, то здесь все еще сложнее. Как можно формировать исследовательский спрос? Приведением в известность научно-справочного аппарата архива, его публикацией. Конечно, в 1990-е годы архивы (центральные и региональные, новейшего времени и «исторические») совершили значительный прорыв в этом направлении. Речь идет прежде всего о справочниках-путеводителях. Сложнее архивам выйти на уровень документа – через издание описей. Хотя и такие планы существуют: ГА РФ, скажем, занимается переводом бумажных описей в электронный формат. Это и есть агрессивные (в лучшем смысле) стратегии продвижения архивов, «заманивания» исследователей.

На этом пути есть, конечно, препятствия, в том числе культурного, ментального характера. Архивы по-прежнему отличает владельческая психология: я не только «держу» и «распоряжаюсь», но и «владею». Этот комплекс монополиста способствует сохранению конфликта архивиста и историка: один не хочет выдавать, другой не может получить. Преодолевается этот комплекс только на правовом пути. Действуют и социальные ограничения – и не только в отношении архива, но и исследователя. *Само общество готовит его спрос, ориентируя на определенные периоды, проблемы и формируя их восприятие. В результате исследователь часто оказывается не в состоянии адекватно отреагировать на архивное предложение: архив открывается, запускает в научный оборот новые, неизвестные документы, а их нового прочтения не происходит.* Социальное давление превосходит и нейтрализует те возможности, которые предоставляет исследователю архив. Об этом Татьяна Иннокентьевна <Хорхордина> уже говорила.

Е.В. Старостин: Давайте вернемся к проблематике памяти. Я хотел подчеркнуть следующее. Сейчас речь идет о кризисе исторической памяти в целом. Вот, у меня много знакомых

директоров архивов, и они говорят, что современные исследователи менее активно, чем раньше, работают с архивными материалами. Если руководящие верхи меньше обращают внимания на исторические прецеденты, это можно расценивать как кризис исторической памяти. Если публикуются материалы только на основании неокантианской парадигмы и «высасываются» сведения из трудов ближайших сотрудников, то это тоже кризис исторической памяти. Мне выход видится так: надо работать с источниками. Вот и все.

И.И. Глебова: Когда я училась в Историко-архивном институте, нам говорили, что у отечественных архивов есть проблемы, больные «места», которые надо «лечить», исправлять. Потом выяснилось, что такие же проблемы были у наших архивов и раньше; остались они и в постсоветское время. Какие это проблемы?

Во-первых, доступа, ликвидации ведомственности. Эта проблема органически присуща любому архиву, но у нас она ярко специфична. Понятно ведь, что и в рамках ведомственности можно выстроить эффективные коммуникации архива с обществом, выдерживая пресловутый баланс между необходимостью сохранить наследие и готовностью предоставить его пользователю. У нас ведомственность и режим доступа имеют целью предохранить человека от свободного владения информацией.

Но и весь социальный организм, все государственные структуры устроены так, чтобы обеспечить обязанности личности, а не ее права. Обязательства-долги – вот главное, что творит систему; права и свободы в ней факультативны. Это касается не только пользователя. Ведь и архив в отношениях с государством и обществом руководствуется обязанностями и не может добиться, чтобы обеспечивались его права. Все это единая коммуникативная система.

Наш архив, скорее, отчужден от человека, чем нацелен на него. Процесс комплектования и доступ к архиву преимущественно определяются политической необходимостью, экономической целесообразностью, общественными потребностями (вполне прогнозируемыми – как социальный запрос), государственными нуждами и только в последнюю очередь интересами конкретного человека.

Это отразилось и на составе хранимого – не случайно в эпоху «архивной перестройки» появился Народный архив.

В СССР–России не документ охраняется от ликвидации, от гибели, а архив охраняется от пользователя, от общества. Главное для традиционного «режима охраны» – контролировать доступ; задача сохранности документа, которой многое оправдывается, вторична. И мне представляется, что это не болезнь, а органика нашей системы. Здесь очевидна связь: ограниченный доступ предполагает неравноправие пользователей по отношению к архиву как государственному институту, а ведомственность предполагает неравноценность самих архивов в системе. Иерархия архивов, помноженная на ведомственные ограничения доступа, создает такую ситуацию, в которой говорить о единстве архивно-информационного пространства становится очень проблематично.

Следующее. В числе проблем студентам-архивистам в 1980-е годы называли (как называют и сейчас) улучшение технической базы и материального обеспечения архива, а также повышение социального статуса архива и его хранителя. Это какие-то вечно неразрешимые задачи архивного ведомства. Но, возможно, они действительно неразрешимы. *И то, что мы называем болезнями, на самом деле – наша норма?* Скажем, пресловутый низкий статус архива – не соответствует ли он общественной культуре, потребностям? У нас ограничен спрос на память, но есть спрос на информацию. *Архив нужен обществу как поставщик полезной информации: обществу – для того, чтобы улучшить социальное самочувствие, а власти – для того, чтобы управлять обществом. Память, сверенная с «правдой» архивного документа, здесь несущественна – она может только помешать.*

Среди «вечных» архивных задач числятся воспитание в обществе «архивного сознания», а также минимизация репрессивной, контрольной функций власти в отношении архивов. Они потому вечны, что всегда актуальны – как будто их никто никогда не решал. Может, и это тоже наша норма? И тогда понятно, почему «заемная» идея об архиве как институте памяти – идея замечательная – воспринимается исключительно как метафора. У нас не приживается связанная с этой метафорой культурологическая, гуманитарная модель архива. Ведь что за ней стоит? Культурная свобода и

институциональная независимость архива. Они у нас невозможны, а значит, и эта модель нам не подходит. Она соответствует свободному обществу, осознающему самоценность человека и его наследия. Все это для нас метафоры.

Норма жизнедеятельности нашего архива – в прогрессирующей ведомственности, в низком статусе хранителей, в постоянном контроле использования извне, в подмене режима доступа режимом охраны. Не следует ли перестать рассматривать их как болезни, изъяны, подлежащие исправлению? Может, согласиться с тем, что это «родовые», естественные для нынешней архивной системы черты – и из этого исходить?

Е.В. Старостин: Но Вы же понимаете, что это риторические вопросы.

И.И. Глебова: Я так понимаю, что, отвечая таким образом, Вы, скорее, соглашаетесь со мной.

В.Ю. Афиани: Я – представитель не только архивного, но и «презренного» ведомственного «племени». Я бы предложил вернуться к той теме, которая сформулирована докладчиками. Мне тоже чрезвычайно импонирует идея о том, что архив, библиотека, музей являются институтами социальной памяти, национальным достоянием. Хотелось бы, чтобы все носились с архивом, назначали большие зарплаты и относились с уважением к его хранителям. Кстати, примеры подобного отношения в нашей стране есть. Моя первая научная конференция была в Армении. Ехали мы туда поездом. И когда очень неприятный мальчишка, который был на побегушках при проводнике, узнал что мы едем в Матенадаран, он восторженно сказал: «О, конференция в Матенадаране!» Мы сразу стали для него уважаемыми людьми. Потому что Матенадаран для армян связан с национальной памятью – исполняет роль хранилища национального наследия, национального архива.

Конечно, наши преподаватели обязаны говорить студентам такие *красивые вещи*: общество – память, архив – институт памяти. Но *реальность* несколько иная. Вот, здесь затрагивался вопрос об особой роли государства в архивной истории – в силу специфики

развития нашей страны и ее архивного дела. Как известно, по разным историческим причинам – сейчас не будем в них углубляться – до революции и в послереволюционный период роль государства сильно отличалась от того, что принято в странах европейских. Соответственно, несоизмеримы масштабы государственных бумаг – ведь государственным было все, гораздо больше, чем в какой-нибудь Франции. Что влекло за собой это огосударствление?

Никто из коллег не произнес малоинтересное слово «функция». Каждый государственный институт имеет набор неких функций. Одни являются главными, системообразующими, другие – второстепенными. *В функциональном отношении государственный архив – это, во-первых, ведомственность, во-вторых, обеспечение администрации, власти.* Вот главные функции отечественных архивов. Этим очень многое определяется: *в ориентации на эти «государственнические», «обслуживающие» функции все выстраивается в нашей архивной системе.* Правильно это – неправильно, здесь мы можем спорить. Но это факт. *Сейчас государство сильно потеснилось.* Оно ушло из многих областей – в частности, из промышленности, экономики: появились акционерные общества, частные банки и т.д. Конечно, как правило, ситуация сохранности их документов, особенно на начальной стадии, далеко не всегда хороша. Но она меняется – в том числе потому, что иностранный капитал пришел в обработку архивов.

Вернемся еще к одной составляющей роли архива в обществе. О ней сегодня тоже много и красиво говорили, что мне было очень приятно. Это роль идентификационная: *архив, хранящий память, есть инструмент национального самоопределения.* Давайте отвлечемся от России и обратим внимание на наших ближайших соседей. Нужны им архивы для национальной идентификации – для самопонимания прежде всего? И если они используют архивы, то как? Ведь везде, *на всем постсоветском пространстве,* происходит одно и то же. *Архивы не являются источником исторической правды – скорее, служат поставщиками лжи, фальсификаций. Архивы не превращаются в фундамент понимания своего исторического пути.* Да, архив может служить неким документальным фундаментом – поставщиком информации для какого-то исторического исследования, хранилищем фактов, которые можно извлечь и по-

разному использовать. Например, широко этим пользуется телевидение. Историческая память уже стала отдельной темой для средств массовой информации. И здесь тоже вопрос: как она разрабатывается, чему служит.

Вообще, сегодня много проблем затронуто, очень важных проблем. Но мне кажется, что мы немножко ушли в сторону. Конечно, больных проблем много. Но общество у нас не является глубоко здоровым, абсолютно беспроблемным. А любой социальный институт отражает те проблемы, которые существуют в обществе. И здесь методологически важно не впадать в крайности – не проводить такой резкой грани между светом и тьмой: свет – в Европе, тьма – у нас. На самом деле, ситуация сложнее. Хотя по некоторым позициям, конечно, европейское архивное сообщество нас превосходит.

Национальный архив, национальная библиотека, национальный музей – это три столпа нации, которых у нас нет. И нам это, безусловно, мешает. Почему это произошло – вот вопрос? Может быть, у нас не стояла так остро проблема самоидентификации и выработки национального самосознания? После революции – понятно: тогда не формировалось национальное сознание, так как стояли интернациональные задачи. Потом поиск шел, но в явно извращенном виде. И в конечном счете своей *национальной самоопределенности в памяти мы не нашли. Попытка была в 1990-е.* Р.Г. Пихоя одно время был главным архивистом страны – его назначал Б.Н. Ельцин.

Что касается нашей административной системы, то архив, действительно, занимает в ней далеко не первое место. Но и другое верно: наш архив имеет точно такие же функции, как любой другой. Правда, происходят разные вещи. Вот, нашему архиву дали еще статус научно-исследовательского института, от которого нам только дополнительная головная боль – и никакой пользы. Правда, это особый случай, потому что мы – архив Академии наук – находимся в академической системе. Для меня, кстати, было новостью, что главный библиотекарь Академии не является научным сотрудником. И вот сейчас, когда зарплату повысили слесарям, главному библиотекарю тоже резко ее подняли. Ну ладно, это академическая система...

Что же касается архива в целом, то, невзирая на «особость» наших практики и традиций, *мы имеем право осмыслить, что такое архив*, какую роль он играет в обществе. Это в равной степени важно и для библиотеки, музея. Вероятно, в последнюю очередь – не в первую, а именно в последнюю – какую-то функцию сохранения и развития национальной памяти они выполняют.

И последнее – каким должен быть архив в будущем. Вот, говорят об информационном обществе. Я считаю, что музей, библиотека и архив, не теряя полностью своей специфики, все больше превращаются в центры хранения, использования и распространения ретроспективной информации. В полной мере это реализуется еще только в очень далеком будущем. Но это уже происходит и сейчас. С появлением новых технологических средств, новых информационных технологий, как мне представляется, снимутся проблемы с доступностью нашего архива. Ведь помимо ведомственности есть еще масса ограничений доступа – причем вполне естественного порядка: не каждый человек пойдет в архив, захочет научиться пользоваться им. *С внедрением новых технологий доступность на порядок возрастает.*

Это мы испытали на себе. С тех пор как мы своими силами создали (и сейчас развиваем) сайт архива Российской академии наук, уровень востребованности нашей информации вырос просто на порядок. Ну, сколько исследователей посещает наш читальный зал? За год двести человек бывает. А количество посещающих сайт за год прыгнуло на десятки тысяч. Это реальная возможность расширения (и интенсификации) доступности – и приведения ее в соответствие с тем, как понимаются новое место и роль библиотеки, музея, архива в информационном (читай: современном) обществе. Причем, эти процессы – медленнее, может быть, чем нам хотелось бы, – но меняют роль архива. Очевидно, что *востребованность ретроспективной информации увеличивается*. И ее использование в политических, пропагандистских целях растет. Соответственно этому медленно, но все же будет меняться роль этих социальных институтов, их востребованность в обществе.

И.И. Глебова: Спасибо. Может быть, кто-то еще хочет выступить? И мы будем завершать.

Ю.Л. Троицкий, *Историко-филологический факультет РГГУ*: Можно конечно, конечно, ограничиться формулой «каждое общество имеет те архивы, которые...» Понятно, да? Но я думаю, это непродуктивно. Полемическая реплика Юрия Сергеевича <Пивоварова> по поводу крайности такой позиции на самом деле заострила проблему. Так вот, я думаю: здесь мы не можем даже обсуждать – за бесполезностью – высокие управленческие решения, связанные с архивами. Но мы все же можем поговорить о конкретных вещах, связанных с изменением общественной роли архива и его коммуникативных стратегий, даже несмотря на убогое юридическое, материальное и прочее обеспечение. Если сравнить современную практику трех постоянно упоминаемых сегодня институтов – библиотеки, архива и музея, – то становится очевидно: музей – наиболее подвижная институция. Заметна близость музея и театра, например. Музейная экспозиция сейчас все больше и больше приближается к «странному» статусу инсталляции. Это уже не собственно музейная экспозиция, а нечто другое. Библиотека же все больше и больше входит в союз с кафе, книжным магазином и т.д.

Мне кажется, *архивы* – несмотря на всю свою специфику – *могли бы изменить характер своего позиционирования и тем самым коммуникативные отношения с внешней средой*. Новые способы продвижения известны – Интернет, виртуальные каналы. Почему бы, например, не подумать о создании такого суперпроекта – наподобие американского «Память Америки». Я помню, как в первый раз поразился, когда нам это все показали. Конечно, это дорогущий проект, десятки миллионов оцифрованных единиц... Но все-таки, можно было бы сыграть в будущем на формировании пресловутой национальной идеи, а заодно сделать полезное дело. Рабочее название проекта – «Память России». Можно назвать и по-другому – неважно. Мне кажется, такой проект позволяет обратиться на соответствующем управленческом уровне к руководителям фондов – РГНФ, РФФИ. Сейчас предлагается масса исследовательских программ по музеям – и практически ничего нет по архивам. Почему бы не предложить научным фондам целевые, конкурсные исследовательские программы по архивному делу? Мне кажется, это вызвало бы активность исследователей, возникли бы интересные предложения. Тем более что профессиональная конъюнктура (если

говорить об историках) вполне благоприятна. В Институте русской истории только что закончилась конференция (даже целый конгресс, который подготовили Ирина Петровна Репина и ее коллеги) по интеллектуальной истории. Там было целое направление (серия докладов) в русле так называемой новой интеллектуальной истории. Докладчики особо подчеркивали: интерес сейчас вызывают не просто документ с его контентом, а весь его образ – вплоть до внешнего вида: бумага, графика текста, отсылки, маргиналии и пр. Наверное, этот запрос – не только историков, но и общества в целом – вполне могут использовать архивисты.

Можно было бы подумать над созданием неких гибридных форм общественного позиционирования архивов, шире привлекать, скажем, студентов. Я постоянно просматриваю дипломные работы студентов нашего факультета и замечаю опасную тенденцию: все меньше и меньше студентов используют неопубликованные материалы, все больше и больше привлекают опубликованные документы. Это, конечно, не основной показатель качества работы, но все-таки тревожный сигнал.

Е.В. Старостин: Дело в том, что есть такие проекты, программы. Действует, например, компьютерная программа описания архива Сталина. Выполнен прекрасный проект, который вызвал восхищение зарубежных коллег, – описание документов Коминтерна. Завершена программа по описанию документов еврейского народа в архивах России, Украины, Белоруссии. Есть программа, которую ведет наша кафедра, – Архивы Русской православной церкви. Удельный вес небольшой, но для таких программ вполне достаточен. Другое дело, что общество (даже Русская православная церковь) не проявляет особого, выдающегося интереса к таким программам. Нам говорят: «Пожалуйста, подарите». И все. Однако следует учитывать главное – за любой программой стоят люди, источники финансирования. Мы, скажем, хотели бы вести программы по истории архивов буддизма, ислама. Это очень важно для страны, но заинтересованных сил пока не нашлось.

И.И. Глебова: Мне все же кажется, что перекокс между должным и сущим при оценке потенциала отечественных архивов

у нас есть. Вот, Юрий Львович <Троицкий> говорил о программах. Но любая программа, как указал Евгений Васильевич <Старостин>, нуждается в средствах. Средства же распределяются в соответствии с той иерархией, которая сложилась в системе управления. Архив в этой иерархии занимает далеко не первое место. Если вернуться к идее архива как института памяти (т.е. национального достояния – памятника, но очень специфического), следует признать: ну, не получается у нас полноценного института памяти. О чем это говорит? Об отсутствии полноценного, самостоятельного, разнообразного, внеположного власти общества. *Пока не вырастет общество, не будет и архива как полноценного института памяти.*

Мне кажется, что перспективы нашего архива таковы: он останется государственным учреждением, обслуживающим социальные нужды, и институтом памяти власти. Если она выделит ему деньги или согласится поддержать какие-то архивные проекты, только тогда они и будут существовать. Полезны будут культурные проекты для нужд власти, тогда она поддержит начинания архива.

Пытаясь говорить об архиве как институте памяти, мы забываем, что *у нас воспроизвелась модель советского архива в новых исторических условиях.* А о советских архивах присутствующие всё хорошо знают: они ориентированы не на публичность, а на охрану, причем охрану от пользователя. В них минимизированы просвещенческая функция, гуманитарная и культурная связь с пользователем. Они и сейчас затруднены. Советские доминанты в постсоветском архиве сохранились.

Правда, в нашей истории случаются такие нехарактерные эпохи, которые потом называют смутными, распадными и анархическими. Мы забываем, что в *1990-е годы* перемены были названы «архивной революцией» (*В.Ю. Афиани уточняет: архивно-археологической революцией*). Они были связаны с либерализацией архивной системы, так как были ответом на общественную либерализацию.

От той архивной революции остался некий набор общественных свобод и несколько либерализовавшийся советский архив. Видимо, этим объясняются его перспективы. *Наш архив (вместе с обществом) двигается в возвратно-поступательном ритме: ры-*

вок в «светлое будущее» – откат в «светлое прошлое» – «покой», как-то примиряющий революционные и консервативные тенденции. Нынешний «покой» – это шаг вперед от советского архива. Но два шага назад от архива эпохи «архивно-археографической революции».

На его перспективы влияет заикленность современного общества на идее стабильности, обращающей его в прошлое. Наше общество требует «изобретения» поддерживающих его, снимающих комплексы, умиротворяющих традиций. Поэтому в нем актуализируется идея архива – собрания подлинных документов, как бы «гарантирующих» историческую правду. В действительности *речь сейчас идет о виртуализации правды истории – и идеи архива. По существу, это близко советской практике фальсификации истории – с помощью архива.*

Ю.С. Пивоваров: Могу я, как человек сугубо не архивный, прокомментировать то, что здесь произошло? Вот, Тамара Серафимовна <Волкова> восхищалась зданием Национального архива в Вашингтоне. Так у них там и здание суда хорошее и вообще хорошие здания. Все, что вы рассказываете, касается всех сфер нашего общества. Можно поменять слово «архив» на слово «суд» – и будет все то же самое. Все, что случилось с архивами, происходит сейчас с судами, парламентом, выборами (собственно их больше нет), политическими партиями, профсоюзами. *Архивные проблемы – это проблемы всего российского общества. Мне это совершенно очевидно. И эти проблемы не решатся программой «Память России».* Можно создать такую программу – одноразовую и прекрасную – и даже будет захватывать дух от того, как все здорово выглядит. Но в целом ситуация не изменится. Можно построить великолепное здание Верховного суда, но суд будет таким же отвратительным, как суды предыдущих десятилетий. *Все дело в нашем обществе. А оно не хочет ни суда, ни парламента, ни архива, ни библиотеки.*

Вот, говорят: в архив стали меньше ходить и меньше вводить архивные документы в научный оборот. И в библиотеку стало меньше людей ходить. Не потому, что библиотека стала хуже, нет. Значит, в обществе происходят какие-то процессы – очень глупо-

кие, очень серьезные. Уважаемые докладчики говорили об информационном обществе, разработке коммуникативных стратегий архива в таком новом мире. *Наше общество, конечно, может стать современно-информационным, но только по названию. Потому что останется при этом абсолютно лишенным знания – настоящего, глубокого, серьезного. И понимания самого себя.* Поэтому я думаю, что сегодняшняя беседа очень хороша для тех целей, которые ставит Центр россиеведения ИНИОН РАН: выслушивать и обсуждать различные темы и преобразовывать дискуссии в какие-то работы, статьи, посвященные как отдельным профессиональным проблемам, так и общей теме – выявлению российской «эссенции».

И.И. Глебова: Спасибо. Центр россиеведения и ИНИОН РАН признательны уважаемым докладчикам и уважаемым коллегам, которые к нам пришли. Мы надеемся, что вы будете у нас еще не раз и наше общение будет плодотворным.

ПО ИТОГАМ ОБСУЖДЕНИЯ

И.И. ГЛЕБОВА

ПОСЛЕ СОВЕТСКОГО: КАКОЙ АРХИВ МЫ ВЫБИРАЕМ?

Обсуждение роли архива в постсоветской России подтвердило нашу исходную идею: национальные перспективы – во многом, если не в основном – связаны прошлым и выбором прошлого в настоящем. То, *что* и *как* мы выбираем, отчетливо демонстрируют следующие показатели: отношение общества к архиву, его социальное самоощущение и те стратегии, которые применяются им для выживания и самоутверждения. Архив, как говорили участники нашего семинара, позволяет точно диагностировать состояние российского общества. А сам анализ вопреки мнению Ю.Л. Троицкого выводит вовсе не на такую пустую, какой она кажется, формулу: каждое общество имеет те архивы, которые может иметь.

Или: социальные институты естественно вырастают из определенной социальной ткани и, даже будучи вживлены в нее искусственно, вынуждены в ней (и к ней) адаптироваться. Институты соответствуют среде; их деятельность зависит от традиций, культурно-ментального фонда и актуальных социальных вызовов. Поэтому архив неизбежно попадает в систему социальных ограничений – как «навязанных» современностью, так и заданных исторически.

Конфликт интерпретаций

Этим объясняется противоречие в понимании постсоветского архива, о котором говорила Т.И. Хорхордина: между ценностью и полезностью, временем и сиюминутностью, долгосрочными перспективами памяти и «короткими» выгодами гонки за потребителем. За каждой из оппозиций стоит определенная *модель архива*: *культурно-гуманитарная*, настаивающая на субъектности архива как хранилища национального достояния; *функционально-технологическая*, где архив понимается как инстанция (своеобразная, но не из ряда вон), в основном обслуживающая специфические управленческие и социально-информационные потребности.

Для *модели института памяти* актуальна задача общественного самопознания, решение которой дает понимание собственной социальности – ее генезиса, анамнеза, имеющихся у нее возможностей для развития и необходимых («сберегающих») самоограничений. Здесь архив – инструмент самоконтроля, общественной безопасности: сигнализирует обществу, что может быть опасно для него, напоминает о полезных, т.е. «человекосберегающих», социо-исторических тенденциях. Тем самым архив является в качестве перспективного общесоциального института, решающего задачи всего общества. В рамках *служебной модели* архив выступает объектом эксплуатации/потребления, ориентированным на нужды сегодняшнего дня. Обслуживая конкретные запросы (в т.ч. в режиме предоставления платных услуг), архив действует в интересах определенных потребителей, отдельных (государственно-интегрированных, платежеспособных) социальных групп.

Очевидно, что две эти *идеальные модели* могут быть реализованы в разных вариантах (скажем, советский архив – крайний случай служебного, закрытого, охраняемого хранилища). Кроме того, они не стоят друг к другу в оппозиции, хотя способны конфликтовать. Модель служебного, периферийно-вспомогательного архива (*архива-функции*) является исторически более ранней. Понимание *архива как национального достояния* возникает сравнительно недавно: в Европе – во второй половине XX в., а в России – в начале того же столетия (попытка практической реализации «гуманитарной» модели приходится на второе десятилетие прошлого

века; в историю архивного дела она вошла как послефевральско-раннеоктябрьская). Но в СССР «высокая» интерпретация архива была забыта, утрачена – соответственно, оказалась подавлена тема критически осмысливаемой памяти.

Более поздняя, сложная и культурно-изошренная модель вырастает из архива-функции, наслаивается над ним; в чем-то с ним преемственна, а в чем-то ему противоречит. Однако такой рост, предполагающий и соответствующее накопление сложностей (в т.ч. традиций, наследия, памяти) социальной системой, может и не случиться. В рамках системы, которая знает, но исторически и культурно не способна воспроизвести более зрелую модель архива, возможен острый конфликт двух парадигм архивного существования. Причем в разных вариантах: как должного и сущего, эфемерно-иллюзорного и реального, своего и чужого, практически-полезного и нефункционального, невыгодного, несущественного в данных социокультурных условиях.

Такой конфликт случился и у нас – об этом свидетельствуют и материалы семинара в ИНИОН. И именно у нас, причем именно сейчас, конфликт особенно не случаен. Выбирая идею для постсоветского архива, «вольноопределяющиеся» хранители предпочли ту, которая больше подходит для наших условий: функции. Правда, в функциональность вкладывают новый смысл, адекватный времени. Для советской системы был характерен политизированный архив: архивисты обеспечивали охрану (должный уровень сохранности/секретности) и использование в политических целях. Теперь архив, как и все в нашей стране (а в первую очередь, человеческое сознание), коммерциализируется. Значит, главное – даже не хранение, а оказание платных услуг платежеспособным потребителям.

Такая находка – вовсе не результат подчинения «заемной» (западной) системе ценностей (не соглашусь здесь с Т.И. Хорхординой), а развитие в новых условиях «родных», советских взглядов. Мы размышляем так, как научили и как естественно в нашей социальной системе: архив – вместе с нами – проживает одну жизнь, и мы эксплуатируем его в зависимости от требований этой жизни. Жизнь политизирована – подчиняем политике и идеологии, коммерциализирована – базарно-рыночным условиям.

В том выборе (понимания архива и стратегий его продвижения), который сейчас делается архивным сообществом, есть железная, социально оправданная логика: в пользу модели, сложившейся исторически и подходящей настоящему времени, – против той, которая нам ни в какое время не подходит. На этой логике настаивают архивисты-практики: давайте, как реалисты, рассуждать здраво; оставим красивые слова «говорунам» (они должны их произносить студентам, фиксировать в своих теоретических текстах), – сами будем исходить из реальности архива. Кстати, и исследователи в конечном счете ведут себя вполне прагматически: тема «архивы и память», если и обозначается в программах архивных симпозиумов, чаще всего занимает там последние места (как в примерной проблематике конференции, посвященной 20-летию Всероссийского общества историков-архивистов, к которой мы и готовили это издание).

Мне тоже казалось, что как реалисты мы должны осознать свое несоответствие «культурно-гуманитарной» модели архива – в силу культурной незрелости, потому что не доросли. Эту позицию я отстаивала на «архивном» семинаре Центра россиеведения ИНИОН, может быть, даже несколько навязчиво предлагая признать ее верность коллегами из ИАИ РГГУ. (Хотя они, должна заместить, держались стойко и игнорировали этот «вызов».) Но в то же время я полагала, что *модели архива как госфункции и информ-структуры*, нацеленной на сбыт ретроспективной информации, *неадекватны архиву*, так как подчиняют его привычной, всеупрощающей логике выживания. Одна ориентирует на хорошо известный алгоритм существования, вроде бы не так давно отвергнутый самими же архивистами: государство платит деньги – оно и контролирует, что, кому и когда давать. Архивист подчиняется; он – «служивый», архив – «служилый», служебный, подсобный. Другая модель – эксплуатационная: «менеджеры по информации» эксплуатируют вверенный им информационный массив, пытаясь заставить его приносить прибыль. Архивист – на раздаче, готов принять оплату; архив технологичен, архивный документ – это сырье. А если архив убыточен? Тогда не нужен?

Этот текст написан для обоснования двух, вроде бы взаимоисключающих, а на деле не противоречащих друг другу позиций.

Первая. *Наши архив – не институт памяти*, и «мир России/РФ», который не стал нацией, не желает признавать его национальным достоянием. Так сложилось, признаем это. Но не станем принимать ситуацию как нормальную. И попытаемся разобраться, почему она такова. Вторая. *Стратегии продвижения архива* именно в таком обществе и в это время *должны основываться на концепции памяти/достояния*. Эти своего рода «легенда», образ «на вырост» – наша страховка, чтобы не сползти в «информцентр» и не остаться навсегда госфункцией. Возможно, единственный путь воспитания цивилизованного отношения к архиву – через слова и образы.

Социальная память как реальность

В нашем обществе и даже в нашей науке (особенно в исторической) проблематика памяти все еще – после всех успехов и прорывов в этом направлении западных коллег – периферийна, если не маргинальна. Во всяком случае, некое снобистское высокомерие и упрямое отрицание – как своего рода постмодернистского выверта, даны скоротечной научной моде – в отношении к ней ощущаются. Наш опыт, школа «соцреалистической» науки пока не позволяют понять, что перед нами открылось новое исследовательское пространство, которое, возможно, не лучше, но и точно не хуже, чем все остальные. И его определяющее качество – полидисциплинарность – явное достоинство, так как позволяет осваивать многим и по-разному.

Трудно опровергнуть формулу, вошедшую в разряд научных истин: «То, что люди помнят о прошлом, – а также то, что они о нем забывают, – является одним из ключевых элементов их неосознанной идеологии»¹. Под социальной памятью понимают совокупность знаний и массовых представлений об общем прошлом. Это не просто ментальная способность, но социальное явление, которое не может быть описано в изоляции от социального контекста. В разные моменты, переживаемые обществом, оно отбирает из прошлого только необходимое и интерпретирует избранное так, как

¹ Репина Л.П. *Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* – М., 2003. – С. 15.

это необходимо. В конечном счете «память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным»¹. Поэтому «то, что искажает социальную память, представляет собой не какой-то дефект в процессе воспоминания, но скорее серию внешних ограничений, обычно накладываемых обществом и достойных стать предметом специального рассмотрения»². «Нормативные критерии, по которым то, что достойно памяти, отличаются от того, что достойно забвения, как правило, слабо связаны с тем, что на самом деле произошло, – указывает немецкий историк Х. Вельцер, – важно, прежде всего, то, как память об этом событии используется сегодня»³.

Задача исследователя – превратить в историю спрос своих современников на память (П. Нора). «История, – писал Л. Февр, – представляет собой средство организации прошлого для того, чтобы не давать ему слишком сильно давить на плечи людей... Она исследует смерть не иначе, как применительно к жизни»⁴. По точному определению А. Марру, человек освобождается от прошлого, давление которого он смутно ощущает, не через забвение, «но через усилие, направленное на то, чтобы вновь обрести его, совершенно сознательно принять его, сделав своей составной частью»⁵. Можно сказать, что история в своей социальной функции нацелена на выявление *значений* прошедшего, на историзацию (критическую «проработку», гуманизацию) памяти. Это дает культуре те внутреннее напряжение и определенность, которые необходимы для развития. И здесь мы сталкиваемся со значительным разнообразием⁶. Видимо, есть соответствие типа социально-властного устрой-

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – М., 2005. – № 2–3(40–41). – С. 33.

² Репина Л.П. Указ. соч. – С. 13.

³ Вельцер Х. Указ. соч. – С. 34.

⁴ Febvre L. Combats pour l'histoire. – P., 1953. – P. 437.

⁵ Marrou H. De la connaissance historique. – P., 1954. – P. 274.

⁶ Известный французский исследователь Ф. Артог особо выделял у своего не менее известного коллеги К. Леви-Стросса «тезис о разделении обществ на «холодные» и «теплые»: для первых характерна «нулевая чувствительность к историческому развитию», они более всего дорожат стабильным порядком, тогда как в других, где «внутренняя температура постоянно меняется», история стано-

ства востребованным знанию о прошлом, памяти, традициям. Где-то история (в опоре на архив) способна стать «доктором» памяти, а где-то общество препятствует ей в этом, не перегружая себя памятью и исторической самокритикой.

Наш опыт «вспоминания» и «забывания», коллективного конструирования памяти настолько выделяет нас на европейском фоне, с которым мы имеем обыкновение себя сравнивать, что заставляет говорить о специфике, отличии, «отщепенчестве»/«особости». На это русские мыслители (т.е. «критически мыслящие индивиды»), а не певцы отеческого порядка – каким бы он ни был) указывали еще во времена первых романтических увлечений просвещенной Европы своим прошлым. Напомню, хрестоматийные слова лишь двух русских европейцев: «Мы.., придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас.., *не храним* в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства. Что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, то нам приходится вбивать в головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, *чужды самим себе*. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно... У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы растем, но не созреваем» (П.Я. Чаадаев); «Нелегко Европе... разделаться со своим прошлым; она держится за него наперекор собственным интересам, ибо... есть многое, что ей дорого и что трудно возместить... Мы же более *свободны от прошлого*, это великое преимущество» (А.И. Герцен). Поставленный диагноз можно было бы счесть ошибкой, очернительством, плодом больного воображения – и забыть за ненужностью, если

вится чем-то вроде двигателя развития (таковы, в первую очередь, европейские общества). Почти одновременно с Леви-Строссом, в начале 1950-х годов, французский философ Клод Лефор противопоставил общества «без истории» обществам «историческим», для которых важна такая категория, как событие. «Бывают ли, однако, общества совсем без истории? Быть может, у них просто другой тип исторического мышления?» – задает вопрос Артог (цит. по: Артог Ф. Типы исторического мышления: Презентизм и формы восприятия времени (Paris, 2003): Реферат // Отечественные записки. – М., 2004. – № 5. – С. 215–216).

бы не история, опыт, реальность, данная нам в ощущениях. Особенно XX столетия. И ее продолжение – нынешняя.

Наше массовое общество, сложившееся в советскую эпоху, двигалось по пути тотального забывания, отрицания прошлого – во имя каждого нового настоящего, очередных задач текущего момента. На пути в счастливое завтра были стерты память и традиции старой России – не только «верхов», отвергнутых новым миром, но и крестьянской массы. Помимо культурных традиций, памятней различных социальных групп, семейных и регионально-местных историй, мы утратили институциональный, административно-управленческий и публично-политический опыт, традиции хозяйствования, правовую и интеллектуальную память. Они не продолжились, будущи критически переработаны и осмыслены, а просто ушли, – пропал культурный запас, накопленный поколениями.

«Обрезание» *прошлого*, уничтожение или «перековка» его носителей, обрыв наследственно-преемственных временных нитей имели следствием ликвидацию всех прежних социальных связей, разрыв социальных общностей на отдельные человекоединицы. Атомизированные массы – методами насилия, принуждения, вовлечения, «прикармливания» – власть сбила в новую историческую общность людей. Для культурно-ментального объединения выдала общности новую – одну на всех, единую и безальтернативную, идеологически выверенную, подчиненную «научным законам» исторического развития – память¹. Она лишь отчасти была связана с историей; адресовалась к массовым иллюзиям, мифам, комплексам. История для масс (школьная, книжная, продвигавшаяся через СМИ) или *официозно-народная, советская память – это миф о прошлом*: том, каким оно должно было быть, с точки зрения власти. Это миф о том, каким должен был быть советский человек – и подходящее ему прошлое. Задачей советского исследователя было подтверждение мифа научными средствами, а не историзация памяти.

¹ Присвоив (национализировав) память, советская власть действовала в точном соответствии с классической формулой Дж. Оруэлла: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое» («1984»).

Архив был встроен в систему конструирования «единственно верного» прошлого для «правильного» человека. И в этом смысле вовсе не являлся функцией (не соглашусь с В.Ф. Афиани, указавшего на вечную функциональность нашего архива), но выполнял миссию: *служил – не истории, а идее*. Для соответствия миссии подвергся чистке, переделке – вообще был «подработан» под Систему. Архив вынудили участвовать в совершенно противоестественном для него деле – мифотворчестве. Причем, под строжайшим контролем партии/власти. *Охраняемый архив превратился в инструмент управления, контроля, извращения («порчи») памяти*.

Раннесоветский архив возник и действовал в рамках модели «наследия без наследников». Можно сказать, что в определенный момент советский архив ее перерос, но она – в его генетике. Определяющие черты модели хранения без наследования таковы: уничтожение институциональных рамок, культурных и ценностных норм, в которых складывалось наследие, обеспечивалось его хранение и использование; ликвидация субъекта наследия, генетически и культурно с ним связанного, чья ответственность за наследие преемственно-исторична; подмена субъекта владельцем-распределителем (получившим наследие вследствие захвата, т.е. случайно) и подмена наследования коммуникативными стратегиями, подчиненными краткосрочным задачам и потребностям выживания. В раннесоветском мире наследие (в том числе архивное) стало исключительно объектом эксплуатации, лишенным само- и полноценности; память обесмыслилась; точнее, *социум утратил потребность помнить*.

С завершением сталинского, варварско-героического отрезка советской эпохи, с обветшанием идеи и некоторой либерализацией режима охраны архив *нормализовался*, отчасти даже гуманизировался. Но в то же время и примитивизировался, что естественно для застойных времен всеобщего прагматизма, цинизма, двоемыслия и безверия. Он уже вполне осознанно штамповал истории (архивные публикации огромными тиражами – вовсе не индульгенция для советской археографии), сверяясь с политической целесообразностью и подкрепляя официоз «правдой» документа. Производя *информационный шум*, архив способствовал сохранению *дефицита социальной памяти*.

Имитируя верность миссии, позднесоветский архив все больше профессионализировался как госинститут, работая и на систему, и на себя: укрепил материальную базу, воспитывал кадры, конкурировал – хоть и не слишком успешно («остаточность» культуры при ее полезности и управляемости – основополагающий советский принцип) – с другими ведомствами за бюджетные статьи, ставки, льготы и т.п. Он стал системным элементом, отвечавшим за *идеологизацию и деисторизацию массового сознания* (несмотря на профессионализм и личные взгляды хранителей). Не будучи институтом памяти (и осознавая это), советский архив – параллельно с основной деятельностью – *делал очень важные и полезные вещи для Истории*. Не служа ей, он на нее – в том числе и в последнюю очередь – работал.

Институт памяти в обществе без памяти

В результате такой эволюции мы имеем то, что имеем: архив, библиотека, музей – три столпа нации, которых у нас нет; национальной определенности в памяти мы не нашли. Представляется, что бедность памяти и отсутствие нации как гражданского и политического сообщества – это связанные, взаимообусловленные вещи. Европейский мир, пройдя этап нациеобразования, движется к мультикультурным сообществам. Получится ли это – вопрос, но хотя бы обозначен вектор движения. Куда идем мы – совершенно неясно.

Главные определенности дня сегодняшнего заданы недавним прошлым. С крахом коммунистической утопии и проекта «светлого капиталистического завтра» наше общество утратило перспективы, подчинилось логике выживания, сосредоточилось на «быстрых» выгодах. Неизвестность будущего отчасти компенсируется культивированием прошедшего. На рубеже 1990–2000-х годов стало особенно ощутимо массовое желание наполнить чем-то свою идентичность (избавиться от пустоты), почувствовать неслучайность во времени и пространстве, нащупать какие-то преемственно-наследственные связи. Отсюда – растущий спрос на память, традиции, реванш традиционалистских ориентаций, доминирование ретростилистики в массовой культуре. Этот «ретроспрос» определяла

(и определяет теперь) настойчивая, навязчивая потребность – *через образы идеализированного прошлого улучшить «образ себя»*. При этом не «улучшаться», не развиваться по существу.

Поворот к прошлому, совершенный российским обществом в середине – второй половине 1990-х годов, весьма своеобразен. Он вызван (вообще, вполне естественным) желанием увидеть себя в лучшем свете, в удачном ракурсе, перестать сомневаться в себе. И, собственно, *более ничем*. В обществе нет интереса к наследию, о чем свидетельствует его судьба. Спрос на наследие заменяют госзаказ и соцзапрос; крайне низок социальный статус хранителей наследия, их солидаристский потенциал; мало выражен прогресс в отношении к наследию – наследники (в широком смысле – общество в целом, хранители, пользователи) плохо учатся, поэтому не способны реализовать стратегии наследования, адекватные его ценности и сложности. Общество практически не ощущает потребности узнать и понять свою историю – и через это переопределить собственную идентичность. Сознание постсоветского обывателя *условно исторично*, поэтому чрезвычайно пластично и восприимчиво к внешним воздействиям. При этом массовая память *упорно избирательна*: она готова принять лишь те исторические проекты, которые улучшают социальное самочувствие, тешат тщеславие, приглушают боль от прошлых травм. То, что наш человек не хочет помнить о себе, для него попросту не существует. Все сложное, непонятное, противоречивое, все критики и самокритики он отвергает.

В конечном счете в постсоветской России спрос на память обернулся «тиранией памяти»; идентичность строится в проекции ничем (культурой, знанием, саморефлексией) не ограниченных массовых иллюзий, желаний, комплексов и фобий. Она насквозь мифологична; питающая ее «больная» (страдающая от давления сложного, «плохого», не понятого прошлого) память не поддается историзации. Конечно, ни одна социальная система не обходится без исторической мифологии, но особенность нашей – в том, что она только ею и ограничивается. Постсоветский мир (и Россия в первую очередь) не выдержал испытания памятью. Отвергнут опыт критических воспоминаний, не удалась попытка осмыслить свое трагическое прошлое. Мы помним так, как были приучены в советские времена, и не желаем учиться чему-то новому. Тенденция

умиротворения памятью в том или ином виде реализовалась на всем постсоветском пространстве. И не случайно она поддержана и использована «элитами» – ее легко подчинить их политическим задачам.

Актуальные «политики памяти» закрепляют и усугубляют эту тенденцию, придают ей статус официально-господствующей. Изобретение «полезного» прошлого для постсоветского мира превращается в *управление* массовыми эмоциями, массовым *беспамятством*. Симптоматично, что в наши дни возобладали героическое («эпос», героизированные, жизнеутверждающие рассказы о себе) и «досуговое» (развлекающее, «оттягивающее») прошлое. Первое дает разобщенному, дезориентированному в ценностном, нравственном отношении постсоветскому социуму объединяющие символы, ритуалы. Второе отвлекает от дурной действительности, вместе со всей системой масскульта умиротворяет обывателя. Оно действует не как лекарство, а как своего рода наркотик, дурманящий общество. Такие воспоминания не только не способствуют, но и препятствуют пониманию мира, в котором мы живем.

Таков социальный контекст, в котором существует постсоветский архив. Контекст, прямо скажем, неблагоприятный – причем более, чем в позднесоветские времена с их системной определенностью и в эпоху перемен, открывших перед архивом новые перспективы. Наш архив находится далеко за пределами актуальных социальных интересов. И это важнейший социальный факт: *в свободном* (в той мере, в какой оно может быть свободным) *российском обществе архиву места не нашлось. И прежде всего как «доктору памяти», хранилищу национального достояния*. Как только наш социум избавился от системы административного принуждения, он закрыл для себя тему самопознания. Не из-за угрозы санкций, страха наказания, а просто так (зачем это, что дает?). Это приговор и исторической науке, и архиву.

Показательно, как ограниченно используется постсоветский архив. Сюда обращаются, когда требуются факты под весьма ограниченный набор мифов, восполняющих дефициты настоящего (скажем, снимающих напряжение постимперского синдрома). Архив нужен – и социальному большинству, и государству – для легитимации нового идентификационного проекта. Постсоветский

архив служит целям мифотворчества, работает в «системе агитпропа». И сам вызов, и стратегия продвижения, и набор мифологем вполне приемственны с советскими временами.

Как и прежде, архив нужен для удовлетворения социально-правовых запросов граждан и потребностей государства в ретроспективной информации. С социальной точки зрения, это самая важная сейчас функция архива. Служит архив и поставщиком информации под маленькие занимательные истории – из разряда бытописаний прошлого, «дворцовых тайн», детективно-криминальных, любовных вещей. В качестве остренных (интеллектуализированных) блюд их подают на массовую («общую») кухню СМИ¹. Выполняет наш архив и своего рода элитарную функцию: является источником семейных историй, создателем «генеалогии элит». Здесь, среди прочего, возникают истории влиятельных корпораций (не только бизнеса, но и церкви, например). Обслуживая модную тенденцию, архив выступает в качестве объекта престижного потребления. Во всех этих случаях общество проявляет к архиву *потребительское отношение*. Архив-функция нацелен на обслуживание государства и граждан. При этом имеет гораздо меньше шансов стать элементом современной сферы услуг, чем, скажем, музей, – крайне низок спрос на предлагаемый им товар.

С архивом по-прежнему связаны культурно-рафинированные, интеллектуальные, профессиональные интересы. Но сейчас, с утратой социального влияния интеллигенцией, появлением у культурных элит новых возможностей самоопределения и сфер реализации, интеллектуально-профессиональные потребности в значительной степени сжались, «скукожились». Соответственно, до минимальных значений упал запрос на выполнение архивом важнейшей социальной функции – самокритики, критического самопознания². В этом

¹ Ситуация сравнима с той, что когда-то описал В.О. Ключевский (1860–1870-е годы): «Эпидемичность мысли, стадность настроения. Интересовались красивыми историческими лицами или драматическими эпизодами, не историей, чем интересуются дети или незрелые взрослые. Анекдот лег краеугольным камнем в основу исторического общественного сознания» (Ключевский В.О. Афоризмы: Исторические портреты и этюды. Дневники. – М., 1993. – С. 70–71).

² Мы все больше мыслим о себе в соответствии с формулой гр. Бенкендорфа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое

смысле наше общество сравнимо, пожалуй, только со сталинским. Мы мало что о себе знаем и очень плохо себя понимаем.

Весьма своеобразные «спрос на память» и характер управления им отсекают постсоветский архив от задач развития и сложных коммуникационных стратегий. Поэтому в современной России столь метафорична, иллюзорна современная (культурологическая) модель архива. Для нашей современности она оказалась инородной, малопригодной.

Зачем постсоветскому обществу архив?

Парадокс ситуации заключается в том, что роль архивов и в нашем обществе объективно чрезвычайно велика. Более того: сравнима с их ролью в западных обществах, развитие которых поддерживается памятью. Наша социальная природа такова: мы отягощены стремлением стать «обществом памяти» (по западному образцу) и время от времени пытаемся его реализовать. Однако постоянно сталкиваемся с собственной неспособностью это сделать. Тем не менее и мы сознаем потенциальную роль архива в обществе и его используем. Подчиняет архив тот, кто располагает ресурсной базой. У нас в борьбе за архив всегда побеждает государство/власть.

Архив – это инструмент трансляции исторического времени и потенциальная возможность для формирования общественного самосознания. *Архив, т.е. неактуализированная память, представляет собой своего рода подсознание общества.* Очень важно, как используется эта подсознательная энергия, в чьих интересах актуализируется память – ограниченного меньшинства или большинства, для социального благосостояния или эксплуатации социума, для придания импульсов развитию или для его имитации и т.д. В любом случае «политика памяти» воздействует на общественное сознание. В этом и состоит ее ценность – у нас прежде всего для власти.

смелое воображение». Еще недавно казалось, что мы выросли из этой формулы, перестали быть существами «внеисторическими». Надежды не оправдались; не выдержав сложностей существования в реальном времени, мы вернулись в успокаивающий, но абсолютно тупиковый миф.

И принципиальная опасность для нее. Архив есть бесспорный факт (из разряда «так и было на самом деле»), потенциальная доказательная база под «суд истории». Его можно использовать не только для властных операций над обществом (снабжения его памятью, выгодной власти), но для общественного самоопределения и отмежевания общества от государства. Поэтому *тема «архив и власть» – это и тема «государство–гражданское общество»*. Архив и есть потенциальное гражданское общество. В том смысле, что архив создает питательную среду для роста самосознания и, следовательно, субъектности социальной среды, т.е. для роста общества.

Пока же нет общества, культурно-гуманитарная интерпретация архива так и останется для нас метафорой. Кстати, в некотором смысле она вообще метафорична и ее следует воспринимать как *инструмент продвижения* архива. Тем не менее на Западе эта метафора обрела реальное содержание и вполне практический смысл, став *нормой понимания архива*. Собственно, в самом глубоком смысле способность к опредмечиванию метафор объясняется одним. Там есть общество, состоящее из независимых, автономных субъектов, проявляющих себя публично. Общество соединяет этих субъектов и потому так сложно и разнообразно устроено. Такому обществу нужны разные памяти – как средство самоидентификации, основа для развития. Государство и общество встречаются в пространстве памяти, которому принадлежит и архив. То есть *архив – пространство конкуренции и сотрудничества различных общественных сил, с одной стороны, и общества и государства – с другой*.

Наша ситуация – прямо противоположна. Мы не доросли до общественного признания Архива – с заглавной буквы. А значит, не обеспечили и субъектность его хранителей как культурных деятелей (в общественном сознании они остались обслуживающим, техническим персоналом). Нашему обществу (и в целом, и «словию управляющих») соответствует архив как подсобное «помещение», архив как «вторичная функция», в лучшем случае – архив как информационный центр (служба), отличающийся от других лишь некоторым своеобразием.

Его цель – *поставлять полезную информацию*, копить и хранить базы данных, множить юзеров и грамотно их обслуживать. Других задач, предполагающих гуманизацию и повышение уровня культуры, общество перед архивом не ставит. И архив их на себя не берет – у него нет адекватных этим задачам ресурсов. *Общество не полагает за архивом функции просвещения. Его ресурсная база соответствует цеховым, ремесленническим задачам*, решаемым с помощью технологий. Они, конечно, важны – как задачи «первой ступени». Но ограничивая архив исключительно такими задачами, общество (и государство, исполняя общественный заказ, но и обеспечивая собственные интересы) не позволяет архиву развиваться. *Наш архив оказался замкнут в рамках повторяющихся перспектив.*

Он остался *государственным институтом*, обслуживающим прогнозируемые социальные нужды, и *институтом памяти власти*. Теперь с уверенностью можно сказать, что в новой России возродился (самовоспроизвелся) тип советского архива. Постсоветская архивная система – это *порождение и продолжение советского*; советская модель в новых исторических условиях. Мы мало обращаем на это внимания. Акцентировка дореволюционной преемственности (которая была сведена до минимума в советское время) и связей с современным европейским опытом (в действительности весьма ограниченных) затуманивает этот факт. А ведь именно он и определяет наши социальные перспективы.

Советским опытом объясняется тяготение нашей архивной системы к замкнутости в себе (закрытости), сверхцентрализации, подконтрольности, ограниченному использованию. В советское время память стала охраняемой зоной, тотально контролируемой властью, а архив – структурой системы охраны: не документов – от уничтожения, а документов – от общества. В той системе были исключены автономность архива, свободные гражданские и личные инициативы в области памяти. Мы – ее наследники. Причем, сейчас развиваемся не в ее отрицании (как антинормы), а на основе акцентировки преемственности с нею (ее нормализации).

С архивом не произойдет качественных перемен, пока не переменится общество, его порождающее. *Только с общественным «взрослением» возможен культурный рост архива.* Двинется масса российского народонаселения по пути обретения субъектности,

захочет стать гражданским и политическим сообществом, – изменится отношение к наследию, памяти, архиву. Такого движения (да и вообще какого-либо движения) сейчас не наблюдается. Покончив с революциями, наше общество вошло в какой-то новый вариант «застоя»/стабильности. Не случайно в «спокойные», «управляемые» 2000-е предшествующая эпоха была перекодирована в самоубийственную смуту (и соответственно время архивного «нестроения»). Так «российский мир» заявил о своем нежелании становиться обществом – слишком хлопотно.

При цикличности нашего развития не исключено повторение в будущем кратких эпох «архивных революций», обслуживающих процессы роста субъектности общества. В эти эпохи мы вырываемся далеко за пределы наших возможностей, опережая их. Поэтому приведение в соответствие порывов и возможностей – в рамках эпох отката – неизбежно. Закономерное затухание освободительных процессов придает эволюции архивов возвратно-поступательный характер: эмансипационный рывок – консервативный откат – покой, примиряющий тенденции развития и стабилизации. Он неизбежно оборачивается и некоторой архаизацией/примитивизацией. В нынешнюю фазу «покоя», видимо, сохранятся элементы демократизации архивов – в той мере, в которой останутся элементы общественной свободы. А если так, то повторяющиеся «архивные революции» будут служить делу либерализации постсоветского архива.

В конечном счете, чем больше шансов на реализацию имеет в России «культурологическая» (культурно-просветительская, гуманитарная) модель архива, адекватная современным вызовам, тем больше у общества шансов на либеральный, социально-гуманизирующий тип развития. И наоборот. Можно сказать, что *мера институциональной свободы и культурной полноценности архива есть мера свободы общества и самоценности человека в нем*. И наоборот. Этой мерой можно мерить не только развитие архива, но и эволюцию общества.

О пользе слов и профессиональной корпорации

В завершение хотела бы вернуться к проблеме самоидентификации/самопрезентации архива. Возможно, это покажется

странным «прагматикам» архивного дела, но проблема понимания/толкования архива представляется мне жизненно для него важной. Причем по причинам исключительно практического (а не метафизического) свойства.

Сейчас речь идет о свободном и осознанном выборе – причем теми, кого эта проблема непосредственно касается. Никто (партия, верховная власть, вышестоящие инстанции) не требует от архивистов-архивоведов солидаризироваться с «единственно верным» образом архива; более того, *никто даже и не предлагает самоопределяться*. Архив как нечто, что равнозначно архиву как ничто (пустоте, неизвестности, бессмыслице), вполне в духе нашего времени. Согласиться с этим – значит обречь себя на существование в формате «скудненько, серенько, тихонько, незаметненько». То есть – самоисключиться; мы как бы есть – и нас как бы нет. В период почти биологического выживания всех и каждого, когда архив находится далеко за пределами социальных интересов и работает фактически на самообслуживание, самовоспроизводство, самоопределение становится вопросом выживания. А обеспечить выживание может только сообщество, которое складывается вокруг архива.

Восприятие архива во многом зависит от того, как сами архивные граждане отвечают на вопрос «кто мы?», какой смысл вносят в общество своей работой. Более того, только вокруг социально значимой «формулы архива» возможно появление «мы» – не разрозненных коллективов и отдельных специалистов, а профессиональной корпорации архивистов, архивоведов, археографов, историков. «Формула» дает самосознание, ощущение солидарности, направляет стратегии коммуникации.

В наше время – более, чем когда-либо, – слова и стоящие за ними смыслы создают реальность. *Выбирая слова, мы тем самым определяем свое место в социуме*. Архив есть то, что о нем говорят. Архив для общества – образ/имидж, строящийся на основе представлений о его социальной миссии. Вообще, архив – это слова и образы в прямом и переносном смысле: их хранит, ими пробивается в мир.

Выбор «формулы архива» зависит от того, какими словами и образами мы располагаем. На семинаре в ИНИОН В.Ю. Афиани сказал, что нам фактически не из чего выбирать: там, где государ-

ство почти всегда было всем, сверхценностью и самоцелью, где все огосударствлено, архив – преимущественно государственная структура и государственная функция. Но у формулы «архив – это государственный институт» есть как минимум два ограничения. Первое связано с государством: действительно, в России, тем более в СССР, оно всегда отбирало, хранило, использовало; без административного контроля и принуждения архив становился бесхозным. Однако архив – нелюбимое дитя нашего государства. Сейчас – предельная точка этой нелюбви: постсоветскому государству архив попросту не нужен. Газ, нефть, кое-что другое – да, но полезность архива нашим государственным «прагматикам» не ясна. Можно, конечно, продолжать любить государство, но это будет любовь без взаимности. Второе ограничение в отношении вносит архив: это сложная структура – будучи интегрирован в государство, он не ограничен государством. Архив – *социальный* институт и по составу хранимого, и по типу хранения (не только государственному – особенно сейчас).

Мне кажется, что как раз из-за недостаточности для современности формулы «архив как государственная функция» и возникла интерпретация архива, раскритикованная на нашем семинаре Т.И. Хорхординой. Напомню, там архив – информхранилище, оснащенное новейшими технологиями, место сбыта информации, но еще и *социальный* институт. Состоя в государстве, свой товар, как общее достояние, он предлагает всем. Только этим «информационно-потребительская» модель, пожалуй, и интересна. То, что ее появление объясняют здоровым прагматизмом, можно списать разве что на молодость и большие надежды авторов. Что они предлагают? Продать и продаться. Так этим сейчас заняты все наши граждане. Намерение «торгануть» даже не надо никому объяснять, его подозревают за всеми. Однако архивный документ – не поросся, его так просто не купят. Товаром он становится в обществе, которое доросло до признания ценности архива. Цена – лишь один из ее эквивалентов. Кроме того, на рынок в цивилизованном мире, как правило, попадают частные бумаги. Остальное – национальное достояние; его хранение и обеспечение использования в интересах нации – *функция* государства.

За социальной структурой (в том числе, кстати, за государством) *должна быть идея, которая дает структуре легитимацию.* Модель «торговой точки», пусть даже обеспеченной новейшими технологиями и менеджерами информационного процесса, такой идеей быть не может. И не оттого, что неприлично, а потому что бессмысленно. В нашем обществе нет спроса на архив; и это проблема технологическая, практически решаемая (чем больше услуг мы будем способны предоставить, тем нужнее станем потребителю), но культурно-ментальная. Она решается иначе, причем не на платной основе. Если нет постоянного серьезного потребителя, кроме низкоплатежеспособного исследователя, – значит необходимы стратегии его «выращивания». А это задача долгосрочная и затратная. То есть архив до того, как выйти со своим «сырьем для инноваций» на рынок, должен еще сформировать этот рынок. И отдавать себе отчет, что он никогда не станет массовым.

В России нет опасности тотальной коммерциализации архивов просто потому, что для этого нет возможностей. И желания отдельных лиц здесь явно недостаточно. Идея же коммерческой эксплуатации архивного фонда утопична и вредна, так как создает ненужные иллюзии, дурно воспитывает архивистов. В то же время наша суровая реальность не мешает архивистам пытаться самостоятельно зарабатывать, оказывая платные услуги. И чем лучше они научатся это делать, тем лучше для них и для архива. Поэтому *между принципами коммерческой деятельности и требованиями социальной миссии нет никакого противоречия.* Если, конечно, коммерция ведется в правовом, цивилизованном формате. Если же нет, тогда большому желанию никакая миссия не помешает. Но это будет проявлением худшего варианта русской «особости», закрывающим нас от мира стеной нецивилизованности. В этом случае архив станет объектом эксплуатации дикарей.

Я повторю мысль В.Ю. Афиани, высказанную на семинаре: в определении «формулы архива» у нас нет выбора – точнее, он во многом предопределен. Но мне этот выбор видится иначе, чем Виталию Юрьевичу. Нам никуда не уйти от современного *цивилизованного* (и в этом смысле *интернационального*) определения архива как общего (национального) достояния, хранилища памяти. Прежде всего потому, что эти слова, кажущиеся нам при нашей «зазем-

ленности» слишком высокими, вполне адекватно отражают реальность. *Архив – не только место*, и в этом смысле функционален, несамостоятелен, «служебен». *Это еще и время*. На этот очевидный смысл и указывает концепция памяти/достояния.

В этом своем качестве архив уже нечто большее, чем структура или информхранилище. Даже у нас. Находясь (в том числе или по преимуществу) в государственной системе, он не только ей принадлежит. Государство – не владелец, а держатель (причем, временный: системы у нас меняются, а архив остается); один из пользователей, но уже не монопольный распорядитель. В рамках такого понимания функционально именно государство. При этом, служа времени, оно обретает более высокий – не только социально-административный, случайный, сиюминутный – смысл. Патронирование архива, его обслуживание обеспечивает государству легитимность в долгосрочной перспективе. Поэтому большой вопрос – государство дает архиву легитимность или наоборот.

Точно расставлять акценты, выдавать адекватные (не примитивизирующие, а развивающие) смыслы должны в обществе (хотя бы и прежде всего) профессионалы. В этом, а не только в накоплении навыков, «приращении» технологий, и состоит их профессионализм. В конце концов, *выбор «формулы архива» – это решение проблемы профессиональной идентичности*. Миссия имеет практическое значение, так как является идеологической платформой корпорации. А корпоративизм – это, пожалуй, единственная защита и стратегия продвижения в обществе, далеком от интересов данной профессиональной группы. Причем, эта стратегия освобождает от страха оказаться в одиночестве (если мы не госинститут и госслужащие, то кто же мы?), без легитимации сходством/подобием («мы такие же, как все»: если сегодня спрос на информацию, – обернемся информхранилищем).

«Формула»/миссия – это самоопределение через поиск своей особенности, специфики профессии. И, кстати, *ничего больше*. Миссия выявляет суть определяемого: архив – хранилище прошлого, инструмент истории, институт памяти. Никаких придумок, фантазий – так и есть на самом деле. Это ответ на вопрос «что?» (каково наше назначение, что есть архив?), тогда как, представляясь гос(или ин-

форм)хранилищем, мы отвечаем на вопрос «как?» (как существуем в социуме, каковы технологии самореализации?).

За нашим стремлением дистанцироваться от адекватного смысла, перекалфицировать его в болтовню, метафоры скрывается не практицизм, а страх. Слишком неадекватным нашему обществу кажется то значение, которое в действительности несет в себе архив. Собственно, это главный аргумент, который выдвигается сторонниками прагматических толкований архива: для выживания в нашей социальной среде требуется ей соответствовать. Память, достояние – слишком «высокий замах»: вызовет насмешки из-за несоответствия реальному положению архива, никак не поможет архивисту. А мне кажется, все наоборот: вечно приниженное положение архива обусловлено полным подчинением социально навязанным смыслам, отказом от собственной сути (*бегством от себя*) во имя ожидаемых выгод, которые всегда оказываются маленькими, иллюзорными. То есть не соответствуют масштабу жертвы, принесенной во имя выживания.

Ведь «высокая» идея архива как национального достояния вовсе не явилась извне, из другого мира, как бы в насмешку над нами. К ней естественно пришло русское архивное сообщество в начале XX в. как к наиболее точной формуле архива. Правда, выразило ее на своем, адекватном времени языке. Потом, в конце столетия, в архивной практике кристаллизовался тот же смысл: архив корректирует, «лечит» национальную память. Это его естественное назначение, *своего рода обреченность*, которая постоянно ищет возможность реализоваться. Ее можно подавить, заглушить, но нельзя искоренить совсем.

Мы же только в последние сто лет пытались дважды: советский архив сделали слугой «политики, опрокинутой в прошлое», бюрократом, «бумаговодителем», государственной функцией; тщимся интегрировать постсоветский архив в мир всеобщей купли-продажи, примитивно-сбытовой коммерциализации. Это попытки подчинить себе историю через архив, сделать ее объектом эксплуатации и/или забвения – и *больше ничем*. Первая, казалось, удалась и привела к полнейшему абсурдизму, депрофессионализации. И не случайно на выходе из абсурда активизировался архив, обслуживая

не власть, историка, архивиста, системные потребности, а функцию социальной критики.

Наше общество, не привыкшее к такой «работе памяти», не выдержало самокритики, трезвого, серьезного и трагического взгляда на себя. От его нежелания «думать, а не улыбаться» (Б. Слуцкий) пострадал архив: его вернули в социально приемлемые рамки – государственного института, обслуживающего специфические информационные потребности. Вернули в прошлое, заставили повторяться, да еще замкнули в ситуации хронической бедности. Но общественная инерция не может заставить архив подчиниться полностью, свернуть попытки отстоять свою «самость» – хотя бы в словах, через идею. Сейчас отказ от миссии будет означать полную капитуляцию, согласие на несамостоятельность – даже в пределах своей компетенции. Это также станет отказом от корпоративного сознания, без которого невозможны внесение в общество «архивной культуры» и изменение на этой основе отношения к архиву.

В конечном счете *архив станет современным социальным институтом только как хранитель памяти, национального достояния*. Суть архива должна передаваться словами, соответствующими новому миру, переменившемуся восприятию истории. Это, в общем-то, понятно даже у нас. Не случайно уже сегодня продвижение нашего архива (в публичной информационной среде, интернациональных профессиональных коммуникациях) происходит в опоре на его культурно-гуманитарную формулу. Ее последовательное использование создаст почву для интеграции разных типов архивов, развития связей с библиотекой и музеем (не соглашусь с Е.В. Старостиным: сейчас в интересах этих институтов акцентировать свою близость, а не различия). Посредником и модератором в их отношениях могло бы стать Российское общество историков-архивистов. Оно же является одной из «площадок» для публичных профессиональных дискуссий, открывающих архив внешнему миру.

Принятие новой «формулы архива» потребует соответствующих изменений в архивном *образовании*. Прежде всего, введения учебных курсов, связывающих проблематику памяти, национального достояния с архивом, обобщающих стратегии продвижения архивов в современном мире, анализирующих социальные

функции истории и архива в разные эпохи. Эти курсы неизбежно будут носить полидисциплинарный характер и создадут новые возможности для сближения историка – архивиста – специалиста по управлению информацией, выявят новые компетенции архивиста (архивный пиар, менеджмент и т.п.). Модернизация же образовательной среды изменит тип архивного работника.

Безусловно, слова автоматически не рожают нового качества. Но я и не об этом. Речь идет *о выстраивании иерархии смыслов, соответствующей новому времени*. И солидаризации с определенными национальными традициями. Их отбор «под» миссию памяти потребует, например, переопределения эпох, наделенных сейчас идеологизированным стереотипом «распадных», в установочные, смыслообразующие. В самом деле, как следует трактовать перестроечные и 1990-е годы, когда появились революционные труды по истории архивного дела, произошла самоорганизация историков-архивистов, архивы развернулись в значимый, заметный социальный институт? Только ли как бесперспективные периоды архивного «нестроения»? Конечно, на фоне распада всего советского, основ жизни, социальной инфраструктуры разваливался и архив. Но не только это содержательно определяло эпоху перемен. Тогда архив реализовался как институт социальной мысли, критического социального анализа. Это запоминается и вызывает гордость за архивное и историческое сообщество; чувство же стыда связано в основном с государством.

В конечном счете новая формула архива – его шанс на движение вперед, а не по кругу: *от советского предшественника, а не к его повторению*. Окажется ли такое движение возможным – мы знать не можем. Слишком много в нашей социальной системе определенностей, опыта, традиций, которые сдерживают развитие, и вряд ли они куда-то уйдут. Но хотя бы попробовать стоит. Только сверхзадачи и долгая последовательно-преемственная работа формируют положительный опыт, способный реализоваться в будущем. Это демонстрирует наша история, дореволюционная и советская.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ
ИЗМЕРЕНИИ:**

Постсоветский архив

Художник обложки И.А. Михеев

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 11/Х – 2010 г.

Формат 60x84/16 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 5,5 Уч.-изд.л. 4,1

Тираж 300 экз. Заказ № 169

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Тел. /Факс 8(499) 120-4514
E-mail: market@INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9